

Великолепные руины

Автор:

[Меган Ченс](#)

Великолепные руины

Меган Ченс

Голоса времени

Завораживающий роман о мрачных семейных тайнах, женской мести и восхождении с самого дна на фоне разрушительного землетрясения в Сан-Франциско в 1906 году.

После смерти матери Мэй Кимбл без гроша в кармане живет одна, пока тетя, о существовании которой та не подозревала, не увозит ее в Сан-Франциско. Там Мэй приветствуют в богатой семье Салливанов и в их кругу общения.

Поначалу ошеломленная богатством новой жизни, постепенно Мэй понимает, что в закоулках особняка Салливанов скрываются темные тайны. Ее очаровательная кухня часто исчезает по ночам. Тетя бродит одна в тумане. А служанка постоянно намекает, что Мэй в опасности. Попав в ловушку, Мэй рискует потерять все, включая свободу.

Затем ранним апрельским утром Сан-Франциско рушится. Из тлеющих руин Мэй отправляется в мучительный путь, чтобы вернуть то, что ей принадлежит. Этот трагический поворот судьбы, наряду с помощью бесстрашного журналиста, позволит Мэй отомстить врагам. Но использует ли она этот шанс?

Меган Ченс

Великолепные руины

Megan Chance

A SPLENDID RUIN

Серия «Голоса времени»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.amazon.com, при содействии
Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского Ирины Павловой

© Павлова И., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

Тайны

Сан-Франциско, июль 1904 года

Глава первая

Когда я приехала к своей тете Флоренс и ее мужу, Джонатану Салливану, в их имение в Ноб-Хилле, оставалось еще больше года до его превращения в рассыпавшиеся и тлеющие руины. А я все еще была достаточно наивной для того, чтобы поверить в искренность гостеприимства, с которым меня там встретили.

За два месяца до этого умерла моя матушка, оставив меня одинокой, удрученной и потерявшей. Мне казалось, будто я понимала, что могу доверять лишь себе. Однако я недоценила пагубную силу изумления, охватившего меня при виде трехэтажного особняка из белого камня, окон, искрившихся в лучах солнца, пробивавшегося сквозь завесу тумана, и красочного буйства роз, чей аромат вкупе с запахом лошадей и человеческого пота висел в крайне влажном воздухе. Если бы я только знала, что поджидало меня в этом доме! Если бы догадывалась! Я поступила бы совершенно иначе... Но в тот день я оказалась буквально ослеплена людьми, которые по мраморным ступеням крыльца заносили в крытую галерею с колоннами кресла, ящики, коробки и корзины. Настолько ослеплена, что не смогла разглядеть правду, скрывавшуюся за богатством Салливанов и их трогательным участием в моей судьбе.

Кучер составил мой чемодан на белый щебень подъездной аллеи.

– За ним в скорости придет лакей, – произнес он и, поспешив обратно к лошадям, добавил: – А вас дожидается тетя.

– Да? – растерянно нахмурилась я, но кучер уже взобрался на облучок и направил лошадей к конюшне, оставив меня топтаться в замешательстве посреди суеты.

О том, что ее родственники такие богатые, мама не рассказывала мне никогда. Ни разу за все годы наших мытарств и страданий. Впрочем, и о наличии у нее сестры она тоже не говорила. Меня это не должно было удивить – мама хранила много секретов. И все-таки... Почему она мне ничего об этом не сказала? Может быть, мама и сама не знала о богатстве своей сестры? Мне подумалось, что, скорее всего, так оно и было.

Таких домов, как у Салливанов, я не видела во всем Сан-Франциско. Да и подобных тем, что с ним соседствовали, тоже. Кучер назвал этот район Ноб-

Хиллом, и в нем находились одни особняки – в готическом стиле и в стиле боз-ар, с башенками и верандами. И со всеми мыслимыми элементами декора, которые можно купить за деньги. А за стенами любого из них, вероятно, находилось больше комнат, чем в совокупности на всей моей улице в Бруклине.

В свои двадцать три года я мечтала о таком доме, рисуя в воображении его интерьеры и представляя себя на их фоне. Но мне и в голову ничего подобного не пришло, когда я получила письмо от женщины, которая представилась моей тетей Флоренс, выразила мне соболезнование в связи с кончиной матушки и пригласила пожить в ее семье в Сан-Франциско. «Мне невыносимо думать о том, что дочь Шарлотты осталась одна-одинешенька в этом ужасном городе. Пожалуйста! Ты должна к нам приехать!» – писала она.

В конверт был вложен билет на поезд – словно тетя не сомневалась, что я соглашусь. А я и согласилась. Мне нечего было терять, кроме работы продавщицей всяческих безделушек в «Салоне для дам» мистера Бёрда и пансиона со стойким запахом талька и баранины, в котором я делила с мамой убогую комнатенку, снимать которую самой мне было не по средствам. До вынужденного поиска другого жилья мне оставались считанные дни, а сердце разъедал страх перед неопределенным будущим.

В поезде до Сан-Франциско я предполагала различные варианты: другой пансион, в лучшем случае – квартиру, а в самых дерзновенных и изысканных сценариях – маленький домик или городской особнячок. Действительность превзошла мои самые смелые ожидания.

Ощущая себя крайне неловко и еще больше нервничая от этого, я проскользнула мимо людей, сновавших вокруг меня, и колонн, украшенных резными купидонами с гербами в руках. И замерла перед открытой дверью.

– Прошу прощения, мисс... – оттеснил меня в сторону рослый парень с корзиной белых роз.

Их аромат едва не одурманил меня, пока я следовала за этим детиной в холл. Невероятно! Потолок этого просторного помещения, находившийся на высоте обычного двухэтажного дома, венчал купольный свод, расписанный ангелами. Ромбовидные изразцы, пестревшие зеленым, коричневым, розовым и белым, сплетались в причудливые узоры на полу. И по нему тоже суетливо сновали

служанки и лакеи, перетаскивавшие коробки.

Слева от меня висело огромное зеркало в золоченой раме. Рядом стояли банкетка, обтянутая бархатом, и столик из мрамора и золота. А на нем среди множества ваз и подносов притаился на ножках в форме когтистых звериных лап серебряный телефон филигранной работы. Я никогда прежде не видела столь утонченно декорированного аппарата. И даже не предполагала, что такие вещи существуют. Неожиданно телефон ожил, возвестив о своем возвращении к жизни хриплым, но громким трезвоном. И я, вздрогнув от неожиданности, подпрыгнула.

В холл вбежал изможденный китаец в строгом костюме. Подлетев к телефону, он снял трубку с деревянной ручкой и пролаял в нее:

– Резиденция Салливанов!

Меня это удивило. В моем старом районе китайцев не было. И я меньше всего ожидала увидеть одного из них в тетином доме. Да еще отвечающим на телефонный звонок! Прислугой в Бруклине работали в основном ирландцы. И мне не доводилось слышать, чтобы у кого-то был дворецким китаец. Я непроизвольно попятилась назад; китаец заметил меня и жестом призвал обождать.

– Нет-нет, – снова гавкнул он в телефонную трубку. – Заказ был на десять, а не на четыре. – Закончив короткий разговор, китаец опустил трубку на серебряные рычаги и обратился ко мне: – Вы – мисс Кимбл?

Я согласно кивнула в ответ, а про себя снова сильно удивилась – его расторопности и полномочиям.

– Семья вас ждет. Сюда, пожалуйста, мисс, – пригласил китаец и развернулся так резко, что косичка, свисавшая между его лопаток, подскочила.

Он провел меня мимо резной лестницы по коридору, который через каждые несколько футов расходился в разных направлениях. Переступив наконец порог какой-то открытой двери, китаец провозгласил:

– Мисс Кимбл прибыла.

– Чудесно! – с энтузиазмом откликнулся кто-то мужским голосом.

Я вошла в гостиную, поражавшую пышностью убранства. Навстречу мне поднялся высокий стройный мужчина в безукоризненно пошитом костюме. Его коротко стриженная бородка отливала оттенком червонного золота. Как и уложенные с помощью масла волосы. Все в его облике было продумано и подогнано. Настолько тщательно, что я бы нашла этого человека пугающим, если бы не теплота в его светлых глазах навывате и распростертые в приветствии руки.

– Мисс Кимбл, я – Джонатан Салливан, ваш дядя Джонни. Как мы рады, что вы наконец-то у нас! – очень убедительно заверил он и сжал мои руки с улыбкой, окончательно успокоившей мои нервы. – Мы с огорчением узнали о кончине вашей матери. Конечно, вам ее никто не заменит, но смею надеяться, что мы хоть как-то скрасим вашу жизнь в ее отсутствие.

– Я вам очень благодарна, дядя, за то, что вы послали за мной. Вы можете звать меня просто Мэй. Я буду этому только рада.

– Мэй, ты наверняка захочешь познакомиться со своей кухней.

Отступив назад, дядя указал на девушку, сидевшую на фоне тисненых золотом обоев среди резных деревянных скульптур и других роскошных безделушек, загромождавших все свободные поверхности.

Как только я ее увидела, я ни на что другое уже смотреть не могла.

– Я – Голди, – представилась кузина и встала с такой грацией, которой я искренне позавидовала. А еще больше меня поразили ее царственная осанка и манера держать голову. Я поняла, что буквально заморожена – нет, околдована! – своей двоюродной сестрой. А ее улыбка заставила меня позабыть о том, что еще совсем недавно мне было до слез одиноко.

Я никогда прежде не встречала человека, которому имя подходило бы настолько идеально, как моей кузине. К чаю она надела очень интересное платье голубого

цвета, в тон глазам, и такого фасона, который выгодно подчеркивал ее модную фигуру «песочные часы». Светлые волосы были искусно уложены в стиле мадам Помпадур, который советовали модницам все свежие журналы. А электрический свет, отражавшийся от обоев, окружал ее ореолом, придавая сходство с расписными и фарфоровыми ангелами, которыми изобилует декор дома.

– О! Вы только посмотрите! – воскликнул дядя Джонни. – Вы так похожи! Так замечательно подходите друг другу! Не сомневаюсь, что вы быстро подружитесь.

Голди заключила меня в объятия с жасминовым ароматом:

– Как хорошо, что мы тебя нашли! Ты кажешься такой родной, что я узнала бы тебя и на улице.

Это было явное преувеличение. Но прозвучало оно по-доброму. И мне было в удовольствие его услышать.

А вот дядя невзначай подранил мое самолюбие. Голди была моей ровесницей или чуть младше. Но этим наше сходство исчерпывалось. Кузина больше походила на мою матушку, нежели на меня. Мама тоже была красавицей, а я частенько впадала в отчаяние, рассматривая свои обыкновенные карие глаза, непримечательные волосы и болезненно-желтоватую кожу. И теперь – рядом с Голди – я лишь сильнее ощутила свою заурядность и не поверила голосу рассудка, попытавшегося вразумить меня тем, что бессонные ночи не могли не отразиться на лице, а поездка вымотала меня и припорошила дорожной пылью.

Я поискала глазами женщину, ради встречи с которой преодолела три тысячи миль:

– А где тетя Флоренс?

Дядя и кузина переглянулись.

– Ей очень хотелось здесь быть и поприветствовать тебя, но боюсь, что...

– У нее разболелась голова, – договорила за отца Голди.

– О! – постаралась я не выдать разочарования.

У меня было столько вопросов к этой тете, с которой я никогда не встречалась! Секреты моей матушки, тайны ее жизни и моей жизни... «Что ж, – утешила себя я. – Я только что приехала. У меня впереди еще масса времени, чтобы все узнать».

В тот день я свято верила в это ...

В порыве воодушевления Голди схватила мою руку:

– Тебе, должно быть, не терпится переодеться! Эти поезда такие жуткие, правда? В них невозможно путешествовать в чем-то приличном...

Тем утром я, желая впечатлить своих новообретенных родственников, оделась в лучшее, что у меня было. Нет! Голди не могла увидеть заштопанную дырку на моей блузке – она находилась на спине, под жакетом, который мы с мамой сшили к моей коричневой юбке. Но мне внезапно показалось, что ее видно всем.

Не успела я прочувствовать свое унижение, как кузина продолжила:

– Мы так чудесно повеселимся! Я просто сгораю от нетерпения представить тебя всем.

– Всем?

– Да, все невероятно воодушевлены предстоящим знакомством с тобой! Обсуждают твой приезд целыми днями! Тебя даже упомянули в колонке «Прибывшие» в «Вестнике новостей»!

Дядя Джонни скривил лицо в гримасе.

– Это говорит лишь о том, что мы – люди известные и находимся в центре внимания, – дерзко парировала отцу Голди. – И именно поэтому к нам приезжает миссис Хоффман.

– Ты смущаешь кухню, моя дорогая, – ласково подметил дядя Джонни, а затем обратился ко мне: – Надеюсь, Мэй, тебя не слишком утомило путешествие. Голди утверждала, что ты будешь уставшей.

– Когда заходит речь о званом ужине, усталость девушкам не помеха, – уверенно заявила Голди.

– О званом ужине? – переспросила я.

– Да, в твою честь, – пояснил дядя. Надеюсь, ты ничего не имеешь против. Мы решили, что это лучший способ оказать тебе достойную встречу и познакомить с нашими друзьями.

– А как ты думаешь – с чего столько слуг путаются под ногами? – фыркнула Голди. – Я заказала пятьдесят дюжин роз и достаточно свечей, чтобы осветить ими всю улицу! – Дядя Джонни поморщился. – Ой, да ладно тебе, папа! Все получится очень красиво. А какой божественный аромат будет от роз! Разве встреча моей давно потерявшейся кухни того не стоит? Мэй, с тобой все в порядке? О, пожалуйста, только не говори мне, что ты слишком устала!

– Наверное, она слегка ошеломлена, моя дорогая, – предположил дядя Джонни, бросив на меня понимающий взгляд.

Слегка? Да это мягко сказано! «Никогда не подавай им повода думать, будто ты не из их круга», – частенько повторяла мне матушка. Подразумевая под «ними» светское общество, к жизни в котором она меня готовила. Правда, я совершенно не ожидала, что мне когда-либо понадобятся мамыны уроки. В Бруклине я была простой продавщицей. Уверенной, что в лучшем случае матушкино воспитание поможет мне получить работу в одном из крупных универсальных магазинов, где мои идеальные манеры могли подтолкнуть покупательницу к приобретению более дорогой брошки.

Я быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

– Я в полном восторге! Вы такие замечательные! И так добры ко мне!

– Другого и быть не может. Ты же наша семья! Голди, дорогая, почему бы тебе не показать Мэй ее комнату, дорогая? Ты часом не голодна, Мэй? Я велю подать наверх чай.

– Перед званым ужином, папа? Ни одна девушка не захочет чая перед танцами, – очень убежденно заверила Голди и увлекла меня из гостиной в просторный холл, бурливший кипучей деятельностью. Ловко лавируя между слугами, повела наверх по лестнице, устланной темно-зеленой дорожкой цвета водорослей, затянувших стоячую воду в пруду.

– Сегодня вечером у нас по просьбе папы выступит мистер Сотби. Я так рада! – объявила Голди и многозначительно посмотрела на меня. Она явно не сомневалась в том, что это имя мне известно. Как и в том, что я должна обрадоваться новости не меньше нее. – Думаю, у нас соберутся все важные персоны Сан-Франциско. Я послала приглашение Альфонсу Бандерснитчу. Так что о нашем ужине обязательно напишут в «Вестнике».

– А кто такой Альфонс Бандерснитч?

– Он – автор лучшей в городе колонки светской хроники.

Мы достигли второго этажа, и зеленая дорожка резко оборвалась у ковра с оранжевыми, красными и золотыми оттенками. Светло-голубые потолки украшала замысловатая лепнина, а зеркала в позолоченных рамах обрамляли весь коридор, играя друг с другом отражениями передвигавшихся фигур – бесчисленных Мэй, шедших за бесчисленными Голди. Стол в холле был заставлен фарфоровыми ангелами и золотистыми фавнами, поклонявшимися большому мраморному купидону с арфой.

У одной из дверей Голди остановилась:

– Вот твоя комната. Моя – сразу за купальней. Я сама украсила твою комнату. Надеюсь, тебе понравится. Папа безнадежен. Если бы здесь все зависело только от него, ты бы умерла со скуки. Вокруг были бы одни золотистые полоски.

Только они гораздо больше располагали бы к отдыху, нежели лиловые обои с красными и розовыми розами и синими птицами в гнездах на перевитых зеленых лианах. Напольный ковер тоже усеивали розовые махровые розы. Такого же

цвета были и шторы на окне – одни кружевные, другие бархатные. Раздвинутые, они открывали вид на туман, из которого проглядывали крыши зданий и верхушки корабельных мачт. А по количеству вещей комната не уступала гостиной. Чего в ней только не было! Бутылочки с духами, позолоченные светильники, покрытые эмалью шкатулки, стеклянные вазы, фарфоровые херувимы во всех мыслимых позах. Я могла лишь молча глазеть на столь кичливую роскошь, граничившую с расточительством.

Взяв одного из херувимов, Голди погладила его по позолоченным волосам:

– Ты, я полагаю, не имела возможности выходить в свет из-за болезни мамы? Она долго болела?

Вопрос кузины отвлек меня от размышлений о декорах и вкусах.

– Нет, мама вовсе не болела. И покинула меня внезапно. Ее сердце...

– Да? Но, судя по ее письму, она предвидела свою кончину и готовилась к ней.

Я пришла в еще большее замешательство.

– Она написала тебе письмо?

– Не мне. Маме. А иначе как бы мы тебя нашли? Мама никогда о вас не упоминала.

А почему я ничего об этом не знала? Ни о родне. Ни о письме. Вопросы, терзавшие меня с того самого дня, когда я получила тетинo приглашение, вернулись – вместе с уже знакомым приливом раздражения.

– Но почему? Почему они не говорили ничего друг о друге?

– Кто знает? – пожала плечами Голди.

– Ты не спрашивала?

– Нет.

– А моя мама в том письме написала что-нибудь об отце?

– О твоём отце? Нет, ни одного слова, – решительно заверила кузина и отвела взгляд в сторону. – Ладно, я тебя пока оставлю. Приводи себя в порядок.

Это была явная увертка. По опыту общения с матушкой я мгновенно различала желание собеседника сменить тему. Каким бы деликатным он ни был. Хотя... возможно, я повела себя чересчур напористо и показалась Голди излишне дотошной. Но мне так хотелось быстрее все выяснить! Шутка ли! Оказалось, у меня имелась родня! Одна сестра жила в Сан-Франциско, другая – в Нью-Йорке. Когда-то расстояние служило достаточно веским оправданием незнанию. Но теперь расстояние не имело значения. Поезд преодолевал его за несколько дней. Телеграф и вовсе – в мгновение ока. Раз матушка послала письмо, значит, она знала и о том, где проживала ее сестра, и о своем пошатнувшемся здоровье. Но почему она никогда не рассказывала мне о тете?

Как же все-таки много тайн! Тайн длиной в жизнь...

«Я дала твоему отцу обещание, Мэй, – сказала мне однажды матушка. – Какова же будет нам цена, если мы не сможем сдержать свои обещания? Отец не забудет о своем долге передо мной и тобой. Он был хорошим, благородным человеком».

Благородным? По отношению к кому благородным? Уж точно не по отношению к нам. И что за обещание дала ему матушка? Уж не из-за него ли мы влачили столь нищенское существование? Мама отказывалась отвечать на мои расспросы. Единственное, что мне удалось у нее выпытать, – это то, что отец был представителем нью-йоркской элиты, членом Клуба четырехсот под началом миссис Астор и непременно «полюбил бы меня, если бы узнал». Но почему же он не удосужился меня узнать?

Насколько я могла судить, матушка не желала просить отца о помощи, а он не прилагал усилий, чтобы нас разыскать. И я ходила в башмаках с картонными подошвами, которые разъедала зимняя слякоть, и в заношенных почти до дыр пальто, которыми нас снабжали благотворительные общества под руководством ханжей из той же социальной прослойки, что и отец. Но матушка была твердо

убеждена: отец обязательно выполнит свою часть договора. Что бы ни случилось. И в этой убежденности она оставалась непоколебимой. Как же она верила в отца! Верила, верила, верила... И не желала слышать о нем ни единого плохого слова. Так что я довольно быстро научилась держать свой скептицизм в узде. Хотя сама считала, что отец обманул мою маму и бросил нас обеих. Я давно устала ждать, когда же он исполнит свое бог весть какое обещание. А слепая вера матушки в очевидно вероломного человека с каждым годом раздражала меня все сильнее и сильнее.

В двенадцать лет я уговорила матушку забрать меня из школы – чтобы я смогла работать. Но все свободное время мы проводили вместе. Мама обучила меня правилам этикета, французскому, танцам и рисованию акварелью. Я всегда балансировала между двумя жизнями: той, что я ежедневно проживала в Бруклине, и той, которую сулила мне матушка: «Наступит день, и ты ни в чем не будешь нуждаться. Ты не из этого общества. Тебе уготована лучшая доля».

Но принадлежавший к обществу богачей отец так и не материализовался после кончины моей мамы. Быть может, мамино обещание отцу было как-то связано с тетей Флоренс и Сан-Франциско... Но в таком случае – почему матушка никогда не упоминала о Салливанах? Что она им написала? Когда? И почему молчала о своей болезни? Я же ничего даже не подозревала.

Ответы на все эти вопросы почил в могиле вместе с ней. И я попыталась себя осадить, сказать себе в очередной раз: «Наберись терпения. Наверняка тетя Флоренс все знает. А ты пока радуйся переменам и получай от всего удовольствие». Я очень желала радоваться и наслаждаться. И отбросила неприятное сомнение о чудовищной ошибке. Вечером мне предстояло пойти на мой первый бал. Моя жизнь так резко изменилась к лучшему, что разрушать ее в угоду застарелой неудовлетворенности мне не хотелось.

Бального платья у меня, естественно, не было. Пришлось надеть воскресное. Пошитое из муслима желтовато-коричневого цвета, это скромное, благопристойное платье было мне к лицу. Я это знала, так как часто слышала в нем в церкви комплименты. И все же... когда я его надела, мне показалась, будто меня подняла на смех сама комната. Никаких драгоценностей у меня тоже не водилось. Правда, матушка всегда говорила: не украшения делают истинную леди. И тем не менее... Никогда моя бедность не казалась такой очевидной. Я выглядела церковной мышью в золоченой шкатулке, украшенной самоцветами.

А затем раздался стук в дверь. И прежде чем я успела откликнуться, в комнату влетела Голди с грудой вздымающегося розового шелка в руках.

– Я так и знала! – небрежно бросила она шелк на кровать. – Ник сказала, что твои дорожные сундуки придут с задержкой. На эти поезда в наше время действительно нельзя полагаться! В твоём крошечном саквояже бальное платье просто не могло поместиться. Вот я и подумала... Если ты захочешь... почему бы тебе не позаимствовать что-то из моего гардероба? В этом платье меня давно никто не видел.

У меня не было дорожных сундуков. Но я не знала, как сказать об этом Голди. И как объяснить ей, что я жила совсем иной жизнью, а не той, какой она думала. Кроме того, я была как минимум на два дюйма выше кузины, а мое сложение не шло ни в какое сравнение с ее совершенной фигурой. И все-таки... все-таки я была готова носить это платье до окончания своих дней! Из одной лишь благодарности Голди!

– Спасибо тебе, что подумала об этом. Я не хотела никого из вас обременять.

Кузина лишь отмахнулась:

– Я напишу от твоего имени жалобу на железнодорожную станцию.

Послав мне воздушный поцелуй, Голди оставила меня наедине с платьем.

Оно показалось мне невероятно красивым – прекраснее всех нарядов, что у меня когда-либо были. Действительно! У него имелся волшебный корсет – благодаря ему мой бюст стал не хуже, чем у кузины. Но его декольте казалось настолько глубоким и откровенным, что обуявший меня ужас отступил только после того, как я закрыла плечи старым кружевным фишю моей матушки. Фишю был не просто старым, а прямо древним! И обтрепанным по краям, но мне удалось уложить его так, чтобы спрятать рваные кусочки. Платье, конечно, оказалось мне коротковато, но оно выглядело гораздо красивее и элегантнее, чем мой унылый коричневый наряд. Розовый цвет добавлял румянца моим бледным щекам. И, по крайней мере, было видно, что я оделась к балу, а не собиралась идти на проповедь.

Мне пришлось немало повозиться, чтобы привести в порядок волосы (мои мелкие кудряшки даже в лучшие времена плохо поддавались укрощению). Пытаясь уложить их в нечто, хотя бы отдаленно напоминавшую стильную прическу Голди, я постоянно прислушивалась – не прибывают ли гости. Но сколько я ни напрягала слух, так ничего и не услышала. Как будто суетливое оживление, свидетельницей которому я оказалась чуть ранее, полностью сошло на нет. Еще с час я решала, каким из многочисленных парфюмов воспользоваться. И в конце концов выбрала апельсиновый аромат.

Я ужасно проголодалась, сожалела, что кухня отказалась от чая, утешала себя тем, что на балу обязательно будет угощение. И все ждала, когда же кто-нибудь за мной придет. Когда же раздастся стук в дверь и в комнате появится служанка, Голди или дядя. И скажет мне, что званый вечер начался. Встав у окна, я наблюдала, как из сгущавшегося тумана выныривали кареты; нимбы их огней проплывали мимо и растворялись в отдалении во влажной дымке. А за мной так никто и не приходил. Может, для почетных гостей существовали особые правила этикета, неизвестные мне? Может быть, мне следовало спуститься в зал самой? Но когда? В означенный час? Или с некоторым опозданием? На матушкиных уроках мы подобный сценарий не обсуждали.

Открыв дверь, я вышла из спальни и остановилась в коридоре – слишком ярко освещенном теперь. Электрические светильники пылали во всю мощь, однако вокруг царило полное безмолвие. Как странно! Мне надо было сообразить: никакого званого вечера не ожидается, раз не было приезда гостей. На мой стук в дверь Голди никто не ответил. Поколебавшись, я приоткрыла дверь; взгляд скользнул по золоту с белым, а нос защекотал запах жасмина. Но внутри никого не было. Должно быть, кухня уже спустилась вниз! Я заставила всех себя ждать! Наверное гости уже извелись от нетерпения.

Поспешив к лестнице и схватившись за перила, я все продолжала сокрушаться, что всех задерживала. Потом, закрыв глаза, я вдруг вспомнила, как матушка брала меня в гостиной за руку, обучая вальсу. «Это самый величавый танец из всех. Вальсирующая женщина способна очаровать любого, если выполняет все движения правильно», – говорила она с грустной улыбкой на губах и задумчивостью в глазах.

«Помни, кто ты, Мэй!»

Теплота воспоминаний и бальзам часто повторяемых матушкой слов изгнали из меня и волнение, и нерешительность. И я полетела по ступенькам вниз – на бал!

Глава вторая

Действительно припозднившись, я увидела в бальном зале больше людей, чем встречала за всю свою жизнь. Многие кружили вокруг высокой позолоченной статуи обнаженной женщины в центре зала. Из-за обилия народа мне не удалось рассмотреть ее как следует. Между колоннами в дальнем конце зала играл маленький оркестр. Клубы табачного дыма застилали позолоченную лепнину на стенах и парили около подсвечников, окутывая горящие свечи причудливо колеблющейся дымкой. Голди не ошиблась, сказав, что заказанных ею свечей достало бы, чтобы осветить всю улицу. Всполохи от высоких канделябров и золотых подставок искрились в запонках на рукавах мужчин, сверкали на цепочках их часов, окропляли блестками уши, шеи и запястья женщин. Букетами белых роз были заставлены все свободные поверхности; их аромат был очень выраженным, прямо густым.

Эта сцена сотни раз возникала в моем воображении, но реальность оказалась совершенно иной. Я ощутила себя чужой, сторонней наблюдательницей, которой чувствовала себя всякий раз, когда на улице с другими зеваками наблюдала за гостями, съезжавшимися на вечеринки Вандербильтов и Бельмонов, и выкручивала шею, чтобы хоть мельком увидеть чей-то наряд или знаменитое ожерелье. Возможно, я и не принадлежала к этому обществу, как бы ни убеждала меня в обратном матушка. Но восторг от того, что я находилась среди этих людей, была одной из них, заставлял мои пальцы зудеть от неистового желания зафиксировать этот момент, все эти огни, цвета и оттенки, и сохранить их в своей памяти, чтобы потом воспроизвести в том, что мне было по плечу и по карману.

В то же время меня тяготило отвратительное осознание того, что платье мне коротко. Мне казалось – все смотрели на его подол. А матушкин фишу был слишком старомодным. На подносе у проходившего мимо официанта я узнала шампанское. Мне уже доводилось как-то пробовать его. Как-то вечером бутылку этого шипучего напитка принес брат миссис Бёрд, чтобы отметить рождение сына. И мне запомнились обжигающая щекотка его пузырьков во рту, а также

моя пошатывающаяся походка по дороге домой и то, как раскованно я флиртовала с соседом, Майклом Килпатриком, пока мама не заметила меня и не скомандовала зайти внутрь и закрыть за собою дверь. Как легко и непринужденно я себя тогда ощущала!

Мне захотелось снова испытать это чувство. Запить шампанским свою понятную неуверенность и внезапно нахлынувшее на меня беспричинное беспокойство. Схватив бокал, я отхлебнула из него с такою беспечностью, какую только смогла на себя напустить. Матушкин совет не забывать о том, что я принадлежу к этому обществу, прозвучал в моих ушах бесполезным напоминанием. И в тот самый момент, когда я осушила бокал и отдала его официанту, рядом со мной возникла Голди.

– Вот она где! Где ты пропадала? Мы тебя обыскались. Ты должна была вместе со мной и папой приветствовать гостей, – отчитала меня кузина. Она говорила легко, но достаточно громко для того, чтобы находившиеся поблизости от нас люди обернулись. В руках Голди держала два бокала с пуншем. Вручив один мне, она повела меня к двери, у которой дядя Джонни встречал гостей. Меня угораздило пропустить прибытие большинства из них.

– Я очень сожалею, – шепнула я на ухо кузине.

– Не думай об этом, – прошептала мне в ответ Голди и повернулась поприветствовать женщину, закутанную в шелка с кружевами и меховой оторочкой.

Вскоре мне стало понятно – тети на приеме не было. Почти все гости спрашивали или упоминали о ней: «Как себя чувствует наша дорогая Флоренс?», «Она пропустила два последних завтрака у нас! Надеемся, ей скоро полегчает».

Значит, тетя Флоренс приболела не сегодня, а за несколько дней до моего приезда. Но удивиться я не успела, поскольку была слишком занята ответами на несмолкаемый хор приветствий и вопросов: «Добро пожаловать в Сан-Франциско!», «Как вы находите наш город?» Пунш – сладкий, быстродействующий и, похоже, незаканчивающийся – облегчил мне задачу. Но к тому моменту, как дядя Джонни предложил нам присоединиться к гостям, я уже нетвердо держалась на ногах и слишком хорошо сознавала, что ничего не ела с поезда.

- Папа, а где миссис Хоффман? - спросила Голди.

- А... ну... - закашлялся дядя Джонни. - Она прислала письмо с извинениями.

- Письмо с извинениями? Когда? - Голос кузины сделался резким.

- Несколько часов назад. Мне очень жаль, моя дорогая. Я знаю, как ты ждала встречи с ней, но... тут уж ничего не поделаешь.

Раздосадованная Голди поджала губы. Ее недовольство не укрылось от меня.

А при взгляде на неловкую улыбку дяди Джонни мне стало очевидно, что ему было неприятно разочаровывать дочь.

- Дорогая, - произнес он умиротворяющим тоном, - почему бы тебе не поводить Мэй по залу? Она же - наш почетный гость.

- Конечно, - схватила меня за руку Голди, бормоча сквозь зубы: - Она прислала письмо с извинениями.... Да, конечно, прислала...

- Может, она себя плохо почувствовала... - допустила я.

- Да она все утро гуляла по магазинам. Я сама видела.

На это я не нашла что сказать. Я не знала, ни кем была миссис Хоффман, ни почему ее отсутствие на приеме так расстроило кузину. Подцепив еще два бокала с пуншем, Голди жестом указала на статую. Теперь я разглядела, что золотая девушка томно опиралась на жезл, по которому ползали крошечные позолоченные амурчики.

- Разве она может не нравиться? - спросила Голди. - Это французская скульптура. Вакханка. Копия Жерома.

- Она очень красивая...

Как и все в доме Салливанов, статуя казалась слишком гипертрофированной – на этот раз в своей непристойности.

А Голди уже забыла о вакханке.

– Ты нигде не видела мистера Бандерснитча? – тихим голосом поинтересовалась она у меня.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить, что мистер Бандерснитч вел колонку светской хроники в «Вестнике».

– Как он выглядит?

– Никто не знает. Он соблюдает анонимность.

– Тогда как бы я поняла, что это он, если бы его увидела?

Голди обвела глазами толпу, словно могла каким-то образом вычислить его присутствие.

– Он должен быть здесь! Просто обязан. Где ему еще быть? Сегодня вечером это главный прием в городе. Даже без миссис Хоффман.

Голди спала с лица, но буквально через миг опять повеселела:

– О, да это Линетт! Слава богу!

Кузина поспешила к молодой женщине, смеявшейся в компании двоих мужчин. Я понимала, что мне надо последовать за ней (ключ к комфортному самоощущению в том, чтобы притворяться, что тебе действительно хорошо). Но мое головокружение вылилось в тошноту, вынести очередное знакомство уже попросту не было возможности. Отставив бокал с пуншем, я взяла у проходившего мимо официанта тост, смазанный чем-то светлым и неаппетитным, и попыталась откусить. Но его запах лишь усилил мою тошноту. И, положив тост на золотой поднос со свечами, я устремилась к выходу в сад, отчаянно нуждаясь в глотке свежего воздуха.

Сад не принес мне облегчения. Не успела я выйти, как тотчас потеряла ориентацию. Слишком много пунша! В саду, как и в бальном зале, горели сотни свечей. Заключенные в стеклянные лампы, они отбрасывали причудливые тени на лабиринт из мраморных статуй и каменных скамеек. Статуй было так много, что я дважды принимала за них парочки, покинувшие дом в поисках уединения. Побоявшись и в третий раз спутать живых людей с изваяниями, я побрела вдоль стены, а через некоторое время наткнулась на застекленную створчатую дверь, открывавшуюся в затемненную комнату. И тогда с облегчением поспешила внутрь, предвкушая вождеденную тишину – слышать какофонию, доносившуюся из бального зала, у меня больше не было сил.

Я очутилась в небольшой гостиной, также изобиловавшей тенями. Свет из сада скользнул по полке над камином, и... на меня сверкнули два глаза. А потом еще пара глаз – маленьких, как у мыши. Я напряглась, но глаза оказались драгоценными камнями. На камине застыл стеклянный зверинец; у одних фигурок глаза пылали рубинами, у других синели сапфирами, у третьих искрились всеми оттенками самоцветов. В комнате пахло пачули. Наверное, это был личный кабинет тети. Или Голди? Нет, в кабинете Голди пахло бы жасмином, как от нее самой. И как пахло в ее комнате.

Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как атмосфера в комнате стала гнетущей. Мне захотелось одного: поскорее из нее выйти. Но возвращаться в сад у меня не было никакого желания. Избегая по возможности встречи с тенями, я пересекла странную комнату и открыла дверь, которая, по моему разумению, должна была выходить в залитый светом коридор. В коридор я попала, но в нем царили кромешная темнота и зловещая тишина. Если бы я не знала, что в бальном зале находилось в это время с сотню человек, то решила бы – дом пуст. Я уже была готова побежать – разрывая запыленные паучьи сети, пугаясь эха собственных шагов, как вдруг... Нет, не запустение я ощутила, а нечто более тревожащее. Настолько, что даже не смогла унять дрожь.

В этом коридоре не было ни столов, ни зеркал, ни картин. В нем не имелось вообще никакого декора. А у меня не было ни малейшего представления о том, где я нахожусь. В волнении я вспомнила многочисленные разветвлявшиеся коридоры, которые заметила в доме раньше. Сколько же комнат насчитывалось в этом особняке? Тридцать? Пятьдесят? Больше?

Я осторожно приотворила одну из закрытых дверей. Затем, поняв, что на тягучий скрип петель никто не откликнулся, и собравшись с духом, распахнула

ее. Шторы были задвинуты, но узкая щелка между ними оставалась. В нее из сада проникал свет свечей, рассекая надвое голую поверхность дощатого пола и отражаясь в кристаллах подвесной люстры. Кроме нее, в комнате ничего больше не было.

Пустой оказалась и соседняя комната. И та, что находилась рядом с ней. Их голые стены совсем не вязались с пышным убранством уже виденных мной помещений. И растревожили меня еще сильнее. По рукам поползли мурашки страха.

Я открыла еще три двери, прежде чем наконец обнаружила комнату хоть с какими-то вещами. Ими оказались книги, сложенные стопками и ожидавшие полку, которые пока что были только досками, приставленными к стене.

Эта единственная незавершенная комната развеяла мое недоумение. Ей предстояло стать библиотекой; остальные же комнаты пока были пустыми и ждали своей очереди на отделку в соответствии с замыслами хозяев. Дом оказался новее, чем я поначалу подумала. Мне следовало об этом догадаться – ведь по дороге в имение Салливанов я видела несколько возводившихся особняков и незаконченную большую гостиницу, маячившую в тумане. Строительство на холме еще продолжалось. У меня возник вопрос, как давно Салливаны переехали в это дом. Я еще ни о чем их не расспрашивала (справилась только о здоровье тети) и не знала, где они жили прежде, откуда взялось их состояние, и чем занимался мой дядя Джонни, чтобы обеспечить семье столь безбедное существование. Матушка перевернулась бы в гробу, если бы мне удалось набраться дерзости и задать подобные вопросы.

Впрочем, на то чтобы узнать на них ответы, времени у меня было предостаточно. Я ведь тут и дня еще не провела.

«Наверное, дядя и кузина беспокоились моим отсутствием», – спохватилась я, хотя и понимала, что оставаться в пустых и зловещих стенах мне не хотелось. Но и на бал возвращаться тоже. Это был мой бал, однако я себя чувствовала на нем скованно и неловко. С другой стороны, я теперь принадлежала к этому обществу. И если верить словам матушки, находилась здесь по праву. И не горела желанием возвращаться к своей старой жизни.

Просто день выдался очень долгим и утомительным, и я совершенно потерялась. На пути назад мое беспокойство не улеглось. И неизвестно, сколько бы я проблуждала по ветвистым коридорам, если бы не наткнулась на служанку-китайку с сердцевидным лицом. Она уставилась на меня так, словно увидела призрак. Что, в общем-то, было неудивительно – я ведь вышла на нее из темноты.

– Боюсь, я заблудилась. Как вы все находите тут дорогу?

– Бальный зал вон там, мисс.

Когда я его отыскала, ко мне сразу кинулась Голди:

– Куда ты подевалась? Я хотела представить тебя своим друзьям.

Мы еще не приблизились к компании – женщине, которую кузина назвала Линетт, и паре мужчин рядом с ней, когда дядя Джонни объявил, что Бенджамин Сотби соизволит удостоить нас своим прочтением «Гамлета». К тому моменту, когда солидный и осанистый, но лысеющий мужчина в экстравагантном бархатном камзоле и жилете с замысловатым узором закончил монолог, я уже напрочь позабыла о том, что побывала где-то еще, кроме бального зала. Мое скитание в одиночестве по пустынным коридорам и комнатам казалось мне интерлюдией из сна, а пережитая тревога – смехотворной глупостью.

Голди зевнула. Но даже это она сделала изящно, слегка помахав у губ ручкой.

– По-моему, это было чудесно. А ты как думаешь?

– Это было прекрасно.

Заглотив последнюю из своих устриц, я отложила в сторону раковину. Наконец-то я утолила свой голод вкуснейшими деликатесами! Матушка была права. Богатые питались очень хорошо. Несколько старых друзей дяди Джонни удалились с ним в его кабинет, чтобы закончить вечер (а точнее, близившееся утро) бокалом превосходного вина с дорогими сигарами. В бальном зале остались только служанки, лакеи да та тревожащая статуя – мерцающая в свете

свечей женщина с гротескными маленькими амурчиками, от ухмылок которых стойкие запахи разлитого пунша и шампанского, подзавядших роз, табачного дыма и перемешавшихся духов стали вдруг восприниматься до жути декадентскими.

- Утром мы пойдем в «Эмпориум»... или нет, скорее, после обеда. Ты не возражаешь? А то я готова проспать целый год!

Я лишь в очередной раз поборолась в себе желание признаться кузине в отсутствии у меня денег.

- Папа мне велел прикупить тебе все что нужно, - беззаботно выпалила Голди.

После этих слов внутри меня разгорелась борьба между гордостью, желанием, досадой и огорчением. В итоге я тихо молвила:

- Спасибо тебе.

- Ты теперь - Салливан, Мэй. Ты - часть нашей семьи.

Голди отлично знала, как поймать меня в ловушку. С самого начала знала.

Она направилась к выходу:

- Господи, я засыпаю на ходу! А ты, наверное, и вовсе падаешь с ног. Спокойной ночи!

Кузина была права. Но эмоции этого дня и вечера не угасли. И после ее ухода я еще долго наблюдала за суетой в бальном зале, пока служанки не начали хмуриться и переглядываться, а дворецкий Ау не обратился ко мне с вопросом:

- Вы позволите мне проводить вас до вашей комнаты, мисс?

Лишь тогда я осознала, что мешалась у них под ногами. Еще одна досадная ошибка. И я еще раз убедилась в наличии прорех в моем образовании. Матушкины уроки не научили меня всему, что требовалось знать об этом мире.

Я поднялась по лестнице. И опять – как в том неотделанном коридоре – ощутила тишину дома. Как такое могло быть, когда служанки и дворецкий все еще наводили чистоту после приема? И все-таки так было.

В пансионе никогда не устанавливалось такой тишины. Там всегда соседки болтали, ворчали, сетовали, вздыхали. А бревна и половицы дома отвечали им скрипом и стенаниями. Газовые светильники постоянно шипели. И с улицы в любое время дня и ночи в наши комнаты проникал шум. Даже находясь одна, я ощущала присутствие других. Но здесь...

Я вошла в свою спальню. Один нажим на кнопку – и брызнувший из сделанных из оникса и золота светильников свет отразился от стен. Да так, что мне почудилось, будто я шагнула не в комнату, а в розовую пасть. Синие птички на обоях тошнотворно затрепетали. «Вот чем чревато изнурение...»

Едва сняв фишу и вынув из волос шпильки, я услышала звук – легкую, почти неразличимую поступь – и обернулась. В этот момент дверь открылась, и порог моей спальни переступила женщина.

Мама!

Потрясенная, я приросла ногами к полу. Передо мной стояла моя матушка – живая, со светлыми волосами, заплетенными в косу за спиной, и расстегнутой у горла пуговкой на ночной сорочке... Но почти сразу я осознала: это не мама.

– Тетя Флоренс?

– Кто вы такая? – спросила она грубым шепотом.

– Я – Мэй. Ваша племянница.

– Моя племянница мертва, – нахмурилась тетя. – Они сказали мне, что она умерла.

Тетя не бодрствовала. Я узнала этот замутненный взгляд. В нашем пансионе одна женщина страдала лунатизмом. Старая миссис Уэдлинг нарушала наш покой так часто, что соседкам приходилось запираить бедняжку в комнате.

– Нет, это моя мама умерла. Ваша сестра, Шарлотта, – постаралась выговорить я как можно мягче.

– Мэй... – Тетя Флоренс произнесла мое имя так, словно оно было иностранным. – О, Мэй! Мэй! Не может быть... Почему ты здесь? Зачем ты сюда приехала?

– Вы сами меня пригласили. Вы попросили меня приехать.

– Нет-нет, – попятившись назад, затрясла головой тетя Флоренс. – Ты должна немедленно уехать. Я им запретила. Я сказала им «Нет!».

– Я... я не понимаю. Кому вы сказали и что?

– Ты должна уехать! – закричала тетя Флоренс. – Тебе здесь не место!

Теперь настал мой черед попятиться. Тетя Флоренс бродила во сне. Она не отдавала себе отчета в том, что говорила. И все-таки... энергичность ее отказа потрясла и поколебала меня.

Но ведь у меня было ее приглашение! И оплаченный билет на поезд. Вот что имело значение...

– Мама! – Голди перелетела порог в своем бальном платье, возбужденная и раздраженная. – Мама, что ты тут делаешь?

Руки тети Флоренс беспомощно упали.

– Извини, Мэй, – произнесла кузина и устремилась к матери. – Пойдем отсюда. Тебе следует лечь в постель.

– Если она страдает лунатизмом... – заикнулась было я.

– Тебе не о чем беспокоиться. Я обо всем позабочусь сама, – заверила Голди и потащила тетю Флоренс к двери, как нахулиганившего ребенка.

Чувствуя себя беспомощно и глупо, я последовала за ними в коридор.

– Тебе нужна моя помощь? Я могу что-нибудь для вас сделать? – спросила я кузину.

Голди не ответила. Она довела мать до спальни в самом конце коридора, втолкнула внутрь, плотно закрыла за собой дверь, и тишина дома поглотила обеих.

Глава третья

Я забыла задвинуть шторы и, проснувшись, увидела за окном покров светлого тумана, делавший неясным и расплывчатым все предметы. Мое сердце сжало навязчивое дезориентирующее ощущение – как будто мир куда-то ускользнул, оставив меня в подвешенном состоянии. В ловушке окружившей меня пустоты.

Отчасти это ощущение было связано со странным ночным визитом тети Флоренс. Но еще и мои сновидения нагнали на меня неуверенность и страх, хотя припомнить, что мне снилось, я не смогла. И решила, что все это из-за множества накопившихся вопросов.

Сразу после пробуждения я прислушалась в надежде уловить звуки, которые сказали бы мне, что домочадцы уже проснулись. Но я ничего не услышала. Ни суетливой беготни служанок, ни голосов дяди и тети, ни возгласов Голди. Вокруг стояла все та же жутковатая тишина, усиленная удушающими тисками тумана, обступившего дом. Меня озадачили сразу много вопросов. Можно ли мне пройти в ванную? Не потревожу ли я кого? Надо ли мне одеваться? И вообще, следует ли мне спуститься вниз или надо подождать, когда ко мне в комнату явится служанка? Все эти вопросы лишь подчеркнули: хоть я в этом доме и не вполне гостя, но полноценным членом семьи смогу стать, только усвоив все тонкости его ежедневного внутреннего распорядка. Странно, что ты не задумываешься о таких вещах, пока не сталкиваешься с ними.

Я прокралась в купальню с голубой фаянсовой раковиной, такой же ванной и орнаментированным туалетом, который, похоже, был высечен из мрамора. Что за чудо! Открываешь кран, а из него течет вода! И горячая тоже! В пансионе приходилось на плите кипятить ведра с водой, и к тому моменту, как ты наполняла всю ванну, вода в ней успевала охладиться. А в этой ванной я бы

наслаждалась целый день, вот только обои в ней были такими пугающими – очень яркими, даже кричащими, со звериными мордами, выглядывавшими из-за листьев тропических растений. Мне показалось, что эти дикие обитатели джунглей как будто наблюдали за каждым моим движением, и захотелось просто поторопиться за порог.

Никаких признаков того, что кто-то проснулся, заметить мне так и не удалось... Делать было нечего, и я вытащила из чемодана свой альбом для эскизов в кожаном футляре и набор чертежных карандашей. Карандаши были расточительной роскошью, и я до сих пор испытывала вину, когда ими пользовалась. На этом в свое время решительно настояла матушка. «Я не знаю, откуда у тебя такой талант. Уж точно не от меня и не от твоего отца...» – однажды призналась она. И погрузилась в воспоминания, а потом отмахнулась от них с легкой улыбкой. А когда я стала умолять ее поделиться этими воспоминаниями со мной, матушка только сказала: «Просто запомни, моя дорогая. Не стоит ни о чем судить слишком строго. У каждой истории, как у медали, две стороны». Расспрашивать дальше было бесполезно. Обещание, данное матушкой моему отцу, было таким же обязывающим, как и ее любовь ко мне.

Поначалу я, пытаюсь похоронить все вопросы в собственных фантазиях об отце, находила сотни оправданий его отсутствию. Он пропал в море. Его выкрали. Он отправился в исследовательскую экспедицию в Арктику и, затерявшись во льдах, отчаялся найти путь домой, к нам. Но по мере моего взросления подобные истории переставали удовлетворять и тешить меня. Я начала досадовать из-за всего, чего не знала, и тяготиться нищетой, ежедневными свидетельствами нашей нужды. Даже нашими комнатами, в которых нам ничего не принадлежало – ни мебель, ни половики, ни дешевые хромолитографии на стенах. За исключением некоторых вещей – сувенирного кувшинчика из-под драже с Филадельфийской Всемирной выставки, пустого пузырька из-под духов, все еще хранившего какой-то сложный чарующий аромат («Это французские духи», – повторяла матушка, водя пузырьком у моего носа), нескольких книг, нашей одежды да рисунков, которые я иногда делала, когда оставалась лишняя бумага. На них в дальних навеянных воображением землях томился в плену отец. Правда, я не говорила маме, что рисовала. В тот единственный раз, когда я описала ей свой рисунок, матушка так сильно расстроилась, что мне сделалось тошно.

А позже в один из дней я утратила самообладание из-за какой-то мелочи (сейчас уже не помню, какой именно). И в сердцах пнула стол. Он сильно затрясся, кувшинчик из-под драже упал на пол и разбился. Все это заставило меня расплакаться. Теперь мне стыдно даже вспоминать об этом – о том, что я наговорила, и об ужасе матушки, осознавшей, как сильно я терзалась нашей нищетой. «Ну, почему? Почему мы должны прозябать, коли он такой богатый? Почему он не приедет за нами? Почему он хочет, чтобы мы жили в бедности?»

Я была юной; теперь мне неприятно об этом думать. Мне больно вспоминать выражение маминых глаз. Хотя... о чем она сама думала, когда забивала мне голову всеми этими историями о богатых и о том, какой должна была бы быть моя жизнь и однажды непременно будет?

Пока я бушевала, матушка сорвала со стены один из моих рисунков, перевернула его обратной стороной вверх и протянула мне: «Как бы тебе хотелось, чтобы выглядели наши комнаты? Нарисуй их мне, Мэй. Покажи мне, о чем ты мечтаешь».

Так все и началось. Мое недовольство обстоятельствами преобразило мой мир – хотя бы на бумаге. В попытке пусть даже мысленно убежать от нашего нищенского существования я стала рисовать свои фантазии для нас обеих – прекрасные комнаты, обставленные дорого и со вкусом, безопасные гавани красоты и умиротворения, места, где, по заверениям матушки, пристало и предстояло мне жить. Ее надежды на лучшую для меня жизнь – жизнь в достатке, комфорте и общении с представителями высшего общества, в которой мне не приходилось бы ничего делать, только ездить на балы да званые приемы и украшать свой богатый, прекрасный дом, – стали моими надеждами. Изрисованные листки бумаги сменили со временем альбомы и карандаши, которые матушка покупала мне в подарок ко дню рождения и к Рождеству. А затем в один прекрасный день у меня появился кожаный футляр с собственными инициалами, оттиснутыми в уголке сусальным золотом. И каждый новый альбом я стала вкладывать в этот футляр. Не представляю, чего стоило матушке его купить. Но она лишь улыбалась, когда я спрашивала ее об этом, и объясняла – это в напоминание того, что рисунки мои. «Обязательно подписывай все рисунки, Мэй. Они настолько хороши, что ты должна заверять свое авторство», – говорила она.

Я преисполнялась гордости, когда воображенный мною балый зал заставлял матушку улыбнуться («Он навеял мне воспоминания об одной лунной ночи»), а

цветущая оранжерея вызывала у нее вздох («И как было в такой красоте не влюбиться..»). Я рисовала, чтобы доставить ей удовольствие. Чтобы увидеть в родных глазах то характерное отстраненное выражение, которое всегда приобретал ее взгляд, когда она думала о моем отце. Я это знала и надеялась, что она проговорится, намекнет на что-нибудь. И когда она это делала («Ему бы понравилась такая спальня, Мэй»), я всматривалась в каждую деталь рисунка. Словно могла таким путем понять, что же ему нравилось, что же именно я уловила и что же было во мне от отца такого, подсознательно водившего моей рукой. Матушка так ничего и не рассказывала о нем. И все же моя злость на отца слегка меркла с каждой новой комнатой, которая «ему бы понравилась».

То были лучшие часы, проведенные мною с матушкой. Нахлынувшая на меня вместе с воспоминаниями грусть едва не понудила меня отложить альбом в сторону. Но нет! Матушка бы сильно разочаровалась, позволю я печали и одиночеству восторжествовать над удовольствием, которое доставляло мне рисование.

Я тихонько вернулась в кровать и, открыв альбом на эскизе, набросанном в поезде, забылась в декорациях – прекрасных и гармоничных. Без конфликтующих цветов и оттенков, без хаотично сочетанных узоров и перегруженных поверхностей, при взгляде на которые ты понимаешь: вкус при их выборе не играл никакой роли. Всем заправляло лишь кичливое желание продемонстрировать богатство. Мне было в облегчение рисовать комнату, в которой фарфоровые купидоны не составляли небесное войско, заставляющее тебя бодрствовать – из боязни проснуться в синяках и побоях, нанесенных их крошечными крылышками.

Кто-то тихо постучался ко мне. И я тут же вспомнила минувшую ночь. Вспомнила со смешанным чувством смущения, страха и ожидания. Но на этот раз дверь в мою спальню приоткрыла не тетя Флоренс, а Голди:

– Ты не спишь? Что ты делаешь? Читаешь? Это роман?

– Нет, не роман. Ничего особенного. Альбом. – Я попыталась отложить его в сторону.

– Ты умеешь рисовать?

– Немного.

– Ты должна показать мне свои рисунки!

Голди была так настойчива, что я отдала ей альбом. Прежде только матушка видела мои эскизы. Не буду лукавить – мне захотелось услышать от кузины комплимент и убедиться в том, что мамины похвалы диктовались не одной любовью ко мне. А может, я еще надеялась, что Голди станет моей почитательницей, моей подругой. Какой была мама.

Кузина поначалу быстро пролистывала страницы. Даже слишком быстро, она почти не удостоивала мои рисунки взглядом. Но потом замедлилась, стала вдруг внимательной, и я замерла в напряженном ожидании.

Голди прекратила переворачивать страницы:

– Одни комнаты...

«Терпение!» – призвала я себя.

– Да. Я всегда их рисую. Когда я была моложе, матушка считала, что это...

Я уже собиралась рассказать Голди свою историю, но запнулась при взгляде на ее лицо. Сосредоточенное внимание на нем сменилось тем, чему определение я дать не смогла.

– Что ж, твои рисунки безупречны.

– Безупречны? Спасибо, но я...

– Но я никогда не слышала ни об одной женщине – создательнице интерьеров. Я бы даже сказала более неожиданно – архитекторе.

Голди дала название тому, о чем я никогда не задумывалась. Занятию, в котором я могла бы найти своим эскизам применение. Вот, значит, как оно называлось! Архитектор интерьеров. Это словосочетание звучало так красиво, даже заманчиво! Однако скепсис Голди при слове «женщина» обескуражил меня и

подавил всю радость от ее похвалы. Я потянулась за альбомом:

– Я не планировала им стать.

Голди задержала альбом вне моей досягаемости.

– Не сомневаюсь. Это же абсурд! – с абсолютной уверенностью произнесла она и, перевернув страницу, вперила взгляд в эскиз библиотеки с арочным сводом, квадратным столпом в центре и рабочими столами вокруг него: – Тебе следовало поставить там несколько статуй.

– Книги сами служат украшением. Вообрази их цвета. Переплеты из телячьей кожи и сафьяна, тиснение золотом...

– И неразрезанные страницы. Какой толк в книге, если ее никто не читает? Есть ли на этих полках место книгам в бумажных обложках? – Голди вернула мне альбом. – Тебе тоже нужен новый футляр, из лучшей кожи. Посмотри, все золото уже отслоилось.

Я ощутила разочарование, хотя не поняла – почему. Кузина ведь похвалила меня. Отчего же я почувствовала себя уязвленной?

– Как себя чувствует твоя мама? – поинтересовалась я.

Голди вздохнула:

– Я сожалею из-за ночного инцидента, Мэй. Иногда настойка опиума провоцирует у нее ночные кошмары.

– Настойка опиума? – Голди заколебалась. – Раз я приехала к вам жить, ты должна мне все рассказать, – потребовала я. – Я слышала, что вчера вечером говорили гости. Как давно болеет твоя мама?

– Всего несколько месяцев. Началось с головных болей, и доктор прописал ей эту настойку. Она помогла, облегчила боли. Но, честно говоря, маме все труднее и труднее без нее обходиться. Она почти все время проводит в постели. И, скорее всего, не вспомнит минувшую ночь. Она часто бывает не в себе... сама не ведает,

что творит. Просто не обращай на нее внимание.

- Но у меня к ней так много вопросов...

- Вряд ли она сможет на них ответить, Мэй. И твои попытки с ней поговорить только еще больше помрачат ее сознание. Поверь: всем будет лучше, если ты не станешь их предпринимать. - Голди направилась к двери: - Не задерживайся.

Кузина ушла, а я в унынии проводила ее взглядом. Мне не хотелось давать волю страху за тетю и ее спутанное сознание. «Она часто бывает не в себе...» А в остальное время? Тетя Флоренс в себе? Я не желала ни расстраивать ее, ни смущать ее помраченный разум. Но должна же она была хоть что-то помнить о моей матушке, о прошлом. И потом - в каком состоянии она пригласила меня в Сан-Франциско? В трезвом разуме или будучи «не в себе»? По словам Голди, тетя Флоренс болела уже несколько месяцев. Письмо я получила две недели назад. Но моему приезду никто не удивился, да и прием мне устроили такой теплый! По крайней мере, на этот счет мне явно не стоило волноваться.

В дверь снова постучали, и в комнату вошла молодая китаянка. Я узнала в ней служанку с лицом в форме сердца - ту самую, что ночью указала мне дорогу к бальному залу. Одета китаянка была в скромную юбку и блузку, а ее голову украшал идеальный шиньон из блестящих черных волос, который лишь подчеркивал широту ее лица в области висков и изящество подбородка. Брови у служанки были прямые, глаза темные. А ее губы выгнулись в легкой, но дружелюбной улыбке, когда она поставила на туалетный столик принесенный поднос:

- Доброе утро, мисс. Меня зовут Шин. Я пришла помочь вам одеться.

Говорила китаянка с акцентом, но ее английский был совершенным. Кузина не предупредила меня о служанке, и я понятия не имела, как себя с ней вести и как к ней обращаться.

- О! Голди ничего мне не сказала. Я не ожидала...

- У вас, безусловно, должна быть служанка, - произнесла твердым тоном Шин.

Тотчас же почувствовав себя глупо, я выдавила только односложное «Да» и положила свой альбом рядом с подносом, на котором находились дымившийся паром кофейник, горка смазанных маслом тостов и крохотное блюдечко с абрикосовым джемом.

– Приятно познакомиться с тобой, Шин. И спасибо тебе за то, что принесла мне завтрак. Но помогать одеваться мне не нужно.

Я думала, что китаянка удалится. Однако она, не проронив ни слова, осталась стоять, словно ожидала от меня каких-либо распоряжений. А я не только не имела представления, как их отдавать, но даже не знала, какими они могли быть. Наконец Шин спросила:

– Вы уже распаковали вещи, мисс?

– Вещи? Ах, нет! Не успела... У меня не было на это времени, – забормотала я.

А Шин уже в ногах кровати открывала мой чемодан. Она вытащила из него полинявшую блузку цвета ржавчины, коричневую юбку и мое нижнее белье. Никаких модных комбинаций в чемодане не было, только поношенные панталоны и сорочка. Одежда служанки была лучшего качества, чем любой предмет моего гардероба, и я могла лишь догадываться, что подумала Шин о моих простеньких нижних юбках безо всякого рисунка и кружев, о розовом корсете, ставшим бежевым от многочисленных стирок, и штопанных-перештопанных носках. Я чуть со стыда не сгорела.

Но Шин этим не ограничилась. Молча, но решительно она начала стягивать с меня ночную сорочку. Легче было уступить ее настойчивости, нежели сопротивляться. «Просто надо к этому привыкнуть», – решила я. И все же моя кожа покрылась гусиными лапками, а глаза отказывались встречаться с глазами служанки. Я не понимала, куда девать руки, и не знала, как мне игнорировать ее, да и следовало ли это делать. В попытке скрыть свое смущение я покосилась на правую руку китаянки. На ней не было указательного пальца!

Я охнула.

– Мисс? – выдержав паузу, отреагировала Шин.

Разволновавшаяся и засмущавшаяся еще больше (ведь о таких вещах не спрашивают!), я пролепетала:

– Ничего, ничего.

А когда поняла, что уже одета, испытала облегчение.

– Ваши волосы, мисс, – сказала Шин, указав на мягкую скамеечку у туалетного столика.

Я покорно пересела на нее. Шин налила мне кофе и расплела мне косу, пока я ела, сиюсь не глазеть на обрубок ее пальца. Он действовал на меня как призрак, витавший в поле моего периферийного зрения. Но как же ловко управлялась без него Шин! Как проворно начала она расчесывать мои волосы! Я едва удержалась, чтобы не закрыть глаза под ее равномерно скользившей, успокаивающей рукой. Так напоминавшей мамину!

Чтобы отвлечься от внезапного желания заплакать, я открыла альбом. Затем, просмотрев четыре-пять эскизов, взглянула в зеркало и увидела, что Шин их тоже рассматривала. Осознав, что я ее уличила, китайка быстро отвела глаза в сторону.

– Они действительно еще очень сырые. – Я закрыла альбом.

– Они прекрасны, мисс.

Шин искусно намотала мои распущенные волосы на свои целые пальцы. Мне стоило немалых усилий отвести взгляд. «Интересно, она заметила?» – промелькнуло у меня в голове.

– Мне будет приятно, если ты станешь называть меня просто Мэй.

– Хорошо, мисс Мэй.

Пожалуй, это было лучшим, на что я оказалась способна.

– Я хочу попросить тебя об одолжении, Шин. Если я буду делать что-то неправильно или не так, как подобает по этикету, говори мне об этом, пожалуйста. Ладно? Не щади мои чувства. Мне не хочется, чтобы Салливаны пожалели о том, что приняли меня в свою семью. Я хочу оправдать их ожидания. Договорились?

– Конечно, мисс Мэй, – мрачно заверила меня китаянка.

Я верно истолковала ее тихое порицание. Мне не следовало обращаться к служанке с подобной просьбой. Но я улыбнулась, сделав вид, что осталась удовлетворенной. А когда Шин закончила укладывать мои волосы (а делала она это гораздо искусней меня, даже с увечной рукой), помогла мне надеть пальто и подала шляпу, я поблагодарила ее, вышла в холл дожидаться Голди, а там из праздности начала считать фавнов и купидонов на столе. Но где же тот ангел с арфой, которого они с таким почтением обступали вчера? Наверное, он услышал мои мысли и сгинул. Его отсутствие бросалось в глаза. Тем более что теперь вся паства его маленьких почитателей молилась пустоте.

Голди вышла из своей комнаты, вкалывая драгоценную булавку в тулью шляпы, поля которой были шириной с ее плечи. Их обильно украшали ленточки и банты в нескольких оттенках желтого – в тон короткому жакету кухни. Голди посмотрела на мою шляпу – не такую широкополую, куда как менее модную и с лентами, которые прикалывались и могли заменяться другими, благодаря чему одна шляпа служила за дюжину.

– Сегодня у тебя прическа намного лучше, – сказала кухня. – Ой, я совсем не имела в виду...

Я рассмеялась:

– Шин послужила зеркалом. Спасибо, что прислала ее.

На лице Голди отобразилось удивление, но уже в следующий миг она наклонилась ко мне ближе и понизила голос:

– Будь с ней начеку, Мэй. Китайцы – лучшие из слуг, но и у них имеются недостатки. Во-первых, нельзя доверять всему, что они говорят. Они – жуткие лжецы. Это всем известно. Даже полиция верит китайцам только на кладбище.

Они не лгут перед своими предками, как ты знаешь...

- Нет, я этого не знала. А эта Шин... ее палец...

Голди состроила гримасу и пожала плечами.

- Понимаю. Это ужасно, правда? Если тебя это так раздражает, я немедленно ее уволю. Тебе больше не придется смотреть на ее уродство.

- Нет-нет, - поспешила я остановить кузину, не зная, стоит ли мне благодарить ее за моментальную готовность избавить мои «нежные» глаза от дискомфорта или тревожиться за участь китаянки. - Я совсем не то подразумевала. Мне просто интересно, как она лишилась пальца.

- Мы ее уже такой взяли в услужение. Папа полагает - Шин потеряла палец на какой-то фабрике. Но я полагаю, что она состояла в тонге.

- А что такое «тонг»?

- Китайская банда. Их полно в Чайнатауне. В этой Шин есть что-то дерзкое, даже высокомерное. Ты не находишь? Она либо вообще не глядит на тебя, либо смотрит слишком пристально.

Я не могла этого заметить, поскольку сама старалась не смотреть на китаянку.

- Думаю, она подралась с другой девицей из тонга, - пожала плечами Голди. - Ну, ты понимаешь...

- Не вполне. Мне раньше не доводилось общаться с китайцами, - призналась я.

- И здесь тебе это вряд ли захочется, если ты понимаешь, о чем я. Но не бойся! Я рядом и объясню тебе все что нужно. - Успокаивающе погладив меня по руке, Голди начала спускаться по лестнице.

Я тронула ее за локоть в желании остановить и, когда кузина обернулась, сказала:

– Пожалуйста! Объясняй мне все. Учи меня всему, что важно. Здесь столько нового для меня, а мне не хочется раздражать ни твоих родителей, ни тебя. Тем более вызывать ваше недовольство. Мне хочется, чтобы вы мною гордились.

Голди улыбнулась.

– Я не дам тебе сбиться с пути истинного. Мы будем везде появляться вместе. И я уверена – мы станем лучшими подругами.

Кузина обладала особым талантом – она знала, когда и что говорить, умела подбирать верные слова. В Бруклине у меня не было настоящих подруг. В магазине мистера Бёрда работала всего одна продавщица, и это была я. Матушка быстро прекращала любые отношения, которые я завязывала в районе, а все соседки в нашем пансионе были намного старше и, скорее, добрыми тетями, нежели подругами. А здесь красивая, энергичная Голди заверила меня, что мы станем лучшими подругами. И я, будучи настолько глупой, решила, что именно этого я желала больше всего прочего.

У подножия лестницы кузина остановилась, посмотрела на телефонный столик и нахмурилась.

– Где она, Ау? – воскликнула она, хотя дворецкого в поле нашего зрения не было. – Только не говори мне, что ее еще не принесли.

Словно по волшебству, из ниоткуда появился дворецкий. С газетой в руке. Молча передав ее Голди, он так же быстро исчез. Кузина в возбуждении раскрыла «Вестник Сан-Франциско»:

– Интересно, что он написал...

Ее ясные голубые глаза пробежали по странице, и улыбка на лице померкла.

– Тут о нас вообще не упоминается! Ни одной строчки, ни одного слова! Как такое может быть? Это же был прием. Здесь были все сливки города!

«Не все», – подумала я, вспомнив разочарование кузины из-за отсутствия таинственной, но явно важной миссис Хоффман.

Голди сунула газету мне:

– Может, я не вижу...

Окинув глазами страницу, я нашла заголовок колонки:

Новости светской жизни от Альфонса Бандерсмитча: Пятничным вечером Клуб почитателей котильона принимал десяток дебютантов в зале Ордена Кустарей.

Я бегло прочитала статью ниже:

До самой последней минуты работал не покладая рук популярный Строзински, подготавливая «наследниц волос» к пятничному ночному балу...

«Сплетням и скандалам (в частности, о городских политиках и иногородних гостях) не место в котильоне». Такое не раз пришлось повторить Неду Гринуэю...

Шампанское тоже почтило своим присутствием это мероприятие и сыграло немаловажную роль в манере декламации мисс Ханной Брукнер – «маленькой сиротки Энни». Особенно мисс Брукнер вдохновилась им на строфе «Гоблины вас сцапают, уволукут и схряпают, а потому вы слушайте и будьте начеку!».

Я прыснула со смеха.

– Что? – спросила Голди. – Я что-то пропустила? О нашем приеме там сказано?

– Нет, меня рассмешил этот абзац о «маленькой сиротке Энни». Она действительно декламировала этот стих на балу?

Кузина бросила на меня странный взгляд:

– Этот колумнист просто умничает. Поэтому его колонки самые лучшие.

– Ты хочешь сказать, что на самом деле этого не было?

– Да нет! Я уверена, что все так и было. Ханна придет в ярость, потому что он всем дал понять, что она напилась, а ее отец, без сомнения, затребует извинения. Мистер Бандерсмитч всегда подбирается слишком близко к непозволительному. Вот почему его все читают. Рано или поздно «Вестник» его уволит. Ну, а что про нас? Мы там где-нибудь упомянуты?

– В этой колонке ничего нет, Голди. Но ведь газета вчерашняя. Наверное, он просто не успел еще написать новую статью.

Кузина поразмыслила.

– Пожалуй, ты права, – согласилась она и поправила шляпу перед роскошным зеркалом в фойе. – Да, ты, конечно, права!

Мы подошли к ожидавшей нас карете. Я взобралась внутрь, а Голди велела кучеру отвезти нас в «Эмпориум». Мы тронулись, и мне впервые представилась реальная возможность рассмотреть город, которому предстояло стать моим домом.

Под натиском солнца утренний туман расползся по щелям. Накануне, когда я приехала, туман был слишком плотным, чтобы в нем можно было различить хоть что-то, кроме призрачных теней разных строений. Меня, конечно, поразило, что карета ехала не по разбитым ухабистым колеям, а по булыжным мостовым. Но даже узнав, какие особняки тут имелись, я затруднялась выбросить из головы яркие впечатления, почерпнутые из журналов, которыми обменивались женщины в пансионе. Из рассказов Брета Гарта о бивачных кострах и шахтерских городках.

С вершины холма мы быстро въехали в район деревянных построек с необычным декором. Вывески и витрины лавок пестрели китайскими письменами; женщины несли тюки и корзины с продуктами от лотков, сплошными рядами обрамлявших узкие улочки, на которых играли ребятишки и толклись мужчины с косичками, как у Ау, – все в башмаках на плоской подошве, темных туниках и шароварах, со шляпами на головах.

– Чайнатаун, – коротко пояснила мне Голди. Ничего подобного я раньше не видела, и любопытство подвигло меня дотошно разглядывать всех и все, но потом мне вспомнились слова кузины о тонгах. А Голди после паузы продолжила:

– Здесь абсолютно безопасно в дневное время, но ночью сюда лучше не заходить.

Так же быстро, как мы заехали в Чайнатаун, мы из него выехали. Деревянные лачуги сменились домами с эркерами и безвкусным, пряничным декором. Мы оказались в деловой части города. Провода, тянувшиеся от многочисленных телефонных и телеграфных столбов, нависали паутиной над тротуарами; многоголовые газовые фонари висели над грязными улицами, утопавшими в нечистотах и навозе, напоминая мне о доме. Толпы торговцев-разносчиков и телеги безмятежно игнорировали кареты, фургоны и автомобили, и люди чудом избегали несчастья, проносясь мимо по канатной дороге, устроенной посередине улицы. Мужчина с дюжиной мертвых кроликов и десятком птиц, подвешенных к его ремню, настырно призывал: «Дикие кролики! Утки! Закупайтесь у меня свежей дичью!»

Это был не Нью-Йорк, но и здесь ощущалась та же характерная городская пульсация, отражавшаяся от земли и отдававшаяся в моем сердце. Пульсация, порожденная громоханием железных ободов по брусчатке, лязгом фуникулеров, болтовней сбившихся в кучки людей, лаем бродячих собак, предупредительными возгласами велосипедистов, вилявших из стороны в сторону стремительнее мух, и настырными зазывными выкриками газетчиков. И все же имелось в этом городе нечто, мне совершенно незнакомое. И дело было не только в запахе моря, висевшем в воздухе вместо зеленой гнили маслянистых рек. И не в улицах – настолько крутых, что все замирали на полпути, чтобы перевести дух. Сан-Франциско поражал своей устремленностью к расширению и жаждой перемен. Он вызывал тревожное беспокойство и одновременно восхищал. И во мне тоже что-то всколыхнулось и забурлило. Быть может, трепет перед жизнью с нового листа?

Карета остановилась перед гигантским каменным зданием в стиле боз-ар, с огромным арочным входом и многочисленными окнами, стройными рядами рассекавшими фасад.

– Это «Эмпориум». Ты, наверное, никогда не видела таких магазинов, – сказала Голди.

– У нас есть магазины в Нью-Йорке.

– Но не такие, как этот, – самодовольно возразила Кузина. – Мы можем купить здесь все, что тебе нужно, а остальное найдем в «Сити оф Парис».

«Эмпориум» и правда показался мне отличным от нью-йоркских магазинов. Но вовсе не из-за своей величины. Просто для меня универсальные магазины Нью-Йорка были местами одних только грез. Да и грезы эти были связаны с возможностью устроиться там на работу продавщицей и важно стоять за прилавком, принимая заказы. А о том, чтобы зайти внутрь и купить себе что-нибудь, я даже не мечтала. Уж слишком дорого там стоили вещи.

– Мы выбросим твою одежду сразу по прибытии багажа. Все равно я уверена, что у тебя нет ничего подходящего для Сан-Франциско. Климат здесь совершенно другой. И тебе не потребуются вещи теплее шерстяного жакета, – щебетала Голди, наматывая мне на шею очередной шарфик и натягивая мне на руки перчатки. Я же ощущала себя наряженным майским деревом, а продавщица семенила за нами следом, заискивающе приговаривая: «Этот цвет вам тоже к лицу, мисс».

Голди считала, что мне потребуется масса вещей: широкополые шляпы с цветами, блузки с рисунком, юбки и костюмы для прогулок, платья для чаепитий и туфли. Кузина предпочитала смелые, яркие цвета и с презрением отвергала предлагаемые мной умеренные расцветки:

– Говорю же тебе, Мэй, ты теперь в Сан-Франциско!

Мне нравились изящные, утонченные наряды, но Голди вращалась в высшем свете, за которым я прежде наблюдала лишь издали. И откуда я могла знать, что в моде были шляпы с совами, что белые перчатки уже никто не носил, а яркие цвета считались более актуальными?

Я то и дело оказывалась в новой примерочной, портниха снимала мерки и подкалывала булавами ткань, а Голди обходила меня вокруг, приложив палец к своей полной нижней губе и бормоча:

– Мне не нравятся эти заломы и складки. Этот лиф надо сделать более открытым. Да, вот так!

– Голди, ты действительно полагаешь... Так чересчур низко!

– Хочешь походить на Мэйбл Бёрнс?

– А кто такая Мэйбл Бёрнс?

– Самая старомодная девушка в Сан-Франциско. Эта особа едва ли старше тебя, но судя по тому, как одевается, она уже поставила на себе крест. Как старая дева. Так она никогда не найдет себе мужа!

Сама я о поисках мужа раньше не задумывалась. Слишком много было других забот – главным образом безденежье и матушкино пренебрежение к укладу жизни в нашем районе. Теперь будущее виделось мне в новом свете. И кто знал, что оно мне готовило?

– Я не хочу выглядеть старомодной...

– Предоставь это мне, – заверила меня Голди.

Как же я доверяла ей с самого начала! Я всецело положились на кузину. Мне так хотелось иметь красивые вещи, подругу... Соблазн был настолько велик... Сама того не сознавая, я оказалась слишком слабой, слишком уязвимой. Ведь у меня никогда не было ничего подобного. И кто бы отказался от платья с бело-голубой кружевной отделкой? Голди была права: розовый цвет вовсе не выглядел кричаще-ярким! И вырез у ажурного бального платья оттенка слоновой кости тоже не казался чрезмерно открытым. А сколько в «Эмпориуме» продавалось юбок, блузок и жакетов, великолепно сочетавшихся друг с другом! А сколько разных нарядов из шотландки и тканей в полоску, которые смелые модницы носили вместе. А этот костюм из шелка, что струился как вода сквозь пальцы! Как чудесно он искрился и переливался на свету... В конечном итоге я все-таки позволила Голди углубить декольте в обмен на привилегию носить столь замечательный наряд.

А потом мы побывали в «Сити оф Парис», где купили комбинации, украшенные фестонами из кружев и лент. Наконец-то у меня появилось стоящее модное нижнее белье – вышитые лифы-чехлы, ночные сорочки и настоящие шелковые чулки! А еще носовые платочки и шарфики. Все покупки мы отослали домой. Мне было немного не по себе от той суммы, которую мы извели, но Голди лишь отмахнулась от всех моих протестов.

А потом велела кучеру Нику следовать за нами:

– Я хочу сводить Мэй кое-куда.

Ник нахмурился, но кивнул. Кузина взяла меня под руку, и дальше мы пошли пешком. День уже клонился к вечеру, тени стали длиннее, а город освежился прохладным ветерком от воды. Вид на гавань заблокировало нам большое здание с огромной часовой башней в конце улицы.

– Это морской вокзал, – поведала мне Голди. – Отсюда можно на пароме доплыть до Окленда. Ну-ка, поспеши!

– А мы туда направляемся? В Окленд?

– Вот еще! Дался нам этот Окленд!

Голди схватилась за полы шляпы, чтобы ее не сдуло слишком сильным порывом ветра, и пошла вперед так быстро, что даже со своими длинными ногами я едва поспевала за ней. На улицу высыпали одетые в костюмы мужчины. Разбившись на группы, они оживленно разговаривали о чем-то. Не успевали облачка табачного дыма рассеяться на ветру, как на их месте появлялись новые лица.

– Откуда они все взялись? – удивилась я.

– Время коктейлей, – объяснила Голди, и ее рука снова устремилась к шляпе. – Приготовься! Мы огибаем Рог!

Кузина свернула за угол. Я последовала за ней, и навстречу мне хлестнул такой сильный ветер, что подол платья задрался, обнажив нижнюю юбку, а шляпа почти слетела с моей головы. Я в отчаянии вцепилась руками и в шляпу, и в

юбку.

Кто-то что-то прокричал, кто-то присвистнул. Голди поприветствовала взмахом руки группу мужчин. Прислонившись к большому чугунному фонтану, они с удовольствием наблюдали, как женщины сражались с ветром за свою одежду. И похоже, собрались они в коварном треугольнике между улицами именно с этой целью.

– Привет, Голди! Это та самая кузина, о которой мы столько наслышаны? – выкрикнул молодой человек, стоявший под ближайшим навесом.

Я ждала, что Голди отворотит нос или резко осадит фамильярного парня, но она этого не сделала. И до меня дошло: эти строившие глазки мужчины как раз и были целью нашей пешей прогулки. Их-то и хотела показать мне кузина. А Голди только рассмеялась:

– Да, она самая! И не спрашивай меня, почему она настояла сюда прийти и посмотреть на вас, отщепенцев. А я ей говорила: вы не стоите нашего времени!

Молодой человек выгнул брови:

– А почему бы вам не подойти к нам? Я сделаю так, что вы не пожалеете.

– Мы слишком заняты. Не сомневаюсь, что к твоему величайшему разочарованию!

– Голди! – прошептала я.

– Нет, ну правда! Не заставляйте меня вас упрашивать! – взмолился парень.

– О! Это было бы великолепное зрелище! – воскликнула кузина. – Давай-ка, падай на колени ниц! Да поживее!

Я была шокирована столь откровенным флиртом. И все за нами наблюдали.

– Слава богу, ты не зануда, – громким шепотом заявила мне Голди. – А то я боялась, что ты будешь как Мэйбл.

– Нет-нет. Конечно же нет.

Не такому поведению учила меня матушка, и в Бруклине оно не принесло бы ничего, кроме неприятностей. Но такова была сила влияния на меня Голди, что я проигнорировала собственные инстинкты; кузина убедила меня, что в Сан-Франциско женщины могли кокетничать, насмешничать и даже дерзить мужчинам без всяких последствий. А кроме Голди подать пример мне было некому. Тетя была инвалидом. Я находилась далеко от привычной среды общения.

Покосившись через плечо назад, я немного успокоилась: Ник следовал за нами в карете Салливанов. Какой-то мужчина, попыхивавший сигарой, окликнул кузину:

– Эй, Голди! Я видел твоего папашу в «Пэлэсе».

Кузина резко повернулась к нему:

– Что вы хотите этим сказать, сэр?

«Сэр» выпустил изо рта клуб вредного дыма и ухмыльнулся, глядя, как принялась отмахиваться от него Голди.

– Только то, что он в баре мило развлекался с Эйбом Руфом и миссис Деннехи. Похоже, правительственные контракты приносят хороший барыш, особенно когда тебе платят за то, чтобы ты на многое закрывал глаза.

– Мне об этом ничего не известно, – развернула меня Голди под его тихий смешок.

Мы прошли пару кварталов, прежде чем я отважилась спросить:

– Что он имел в виду?

– Ничего. Политика и слухи. Это никого не волнует, – буркнула кузина и вдруг резко остановившись, почти до боли сжала мою руку: – Не хочешь посмотреть на отель «Пэлэс»? Это лучшая гостиница в городе. Сходим туда, попьем чаю?

Блеск в ее глазах сказал мне: все, чего ей хотелось, – это кокетничать и флиртовать с молодыми мужчинами на публике. Но ведь я могла и ошибаться. И я не хотела походить на Мэйбл.

– Прекрасная идея, – улыбнулась я кузине.

И ее ответная улыбка наполнила мое сердце радостью: я правильно решила не возражать!

Отель «Пэлэс» представлял собой шестиэтажное строение с эркерами; его кирпичный фасад когда-то был белым, но патина угольного дыма окрасила его со временем в тускло-серый цвет. Позолоченный декор здания отчаянно пытался сверкать сквозь слой сажи.

Швейцар в темно-бордовой ливрее распахнул перед нами дверь. Я зашла вслед за кузиной в отель, и уже через миг меня ошеломила его роскошь: дубовые полы, белые колонны, панели из красного дерева и большие латунные плевательницы.

– Гриль-бар для дам вон там... – подсказал нам ливрейный лакей.

– Я знаю, где он. Как будто я не бывала здесь сотни раз! – прошипела Голди.

Выражение ее лица заставило лакея спешно попятиться. Я проследовала за кузиной в бар. Валы солнечного света поблескивали в дымном чаду сигар, вихрясь вместе с ароматами табака, морепродуктов и жареного мяса. Голди остановилась. Она явно искала глазами отца в куще пальм и незнакомых мне мужчин.

Я заметила его первой. Дядя сидел за столом в центре зала, спиной к нам. Рядом с ним возбужденно жестикулировал мужчина-брюнет с кустистыми усами. Его короткие курчавые волосы были зачесаны назад с блестящего лба. По правую руку от дяди сидела женщина в элегантном черно-сливовом ажурном костюме; ее каштановые волосы красиво отливали золотом. Она была не единственной женщиной в баре, но выделялась на фоне всех остальных (немногих) посетительниц. Она была поразительной – с лицом, четко очерченным в профиль, большими глазами с тяжелыми веками, длинным носом, который, доминируя, выглядел царственным, и маленьким подбородком,

акцентировавшим внимание на великолепных жемчужинах, свисавших из мочек ее ушей. Шея незнакомки была невероятно изящной. Но еще невероятнее было то, что она курила сигару! И перед ней на столике стоял бокал с виски!

Женщина сидела очень близко к дяде Джонни, чьи рыжевато-золотистые волосы искрились в дымно-солнечном мареве и свете люстр. Дядя что-то сказал, и она засмеялась, протянув над его рукой свою руку к пепельнице. Слишком интимно. Дядя повернулся к ней с улыбкой и опять что-то сказал. Я не могла разглядеть выражения на его лице, но он явно проявлял к собеседнице интерес и внимание, от которых мне стало неловко за тетю. Женщина рассмеялась. На лице кучерявого мужчины застыло нетерпение. Ему не нравилось, что дядя отвлекался на женщину. У меня сложилось впечатление, что этот человек привык к почитанию и исключительному вниманию к своей персоне.

Голди чертыхнулась сквозь зубы. Я почувствовала: ее решимость перетекла в смирение.

– Видишь того человека, который беседует с папой? – прошептала кузина, наклонив голову в сторону второго мужчины за столиком. – Это Эйб Руф. Папа говорит, что в этом городе ничего без него не делается.

Меня это не удивило. Эйб Руф напомнил мне брата миссис Бёрд – глазами, которые, казалось, все видели и понимали, а также манерой откидываться на спинку кресла, как будто и бар, и его гости были у него в подчинении.

– В таком случае, наверное, хорошо, что он дружит с дядей Джонни.

С губ Голди сорвался короткий смешок:

– Хорошо. Да, наверное.

Женщина выпустила изо рта тонкую и почти изящную струйку дыма, а затем что-то прошептала на ухо дядюшке Джонни. Голди напряглась.

– Кто она? – поинтересовалась я.

– Миссис Эдвард Деннехи. Альма. – В тоне кузины просквозило презрение. – Она вдова. Ее муж работал в «Юнайтед Рейлрудз». Я не помню, чем он занимался,

но в компании он играл важную роль. Она очень умна. На самом деле очень умна.

Но эти слова не прозвучали как комплимент.

- Твой отец вкладывается в «Юнайтед Рейлроудз»?

- Ха! Он вкладывается в нее. Это папина любовница.

Это объясняло интимность их общения и мой дискомфорт, но необычность ситуации породила у меня новый вопрос. Дядя с любовницей в таком публичном месте обсуждал инвестиции с человеком, фактически управлявшим Сан-Франциско. То, что я узнала за этот день, перечеркивало все матушкины уроки. Либо Сан-Франциско действительно не имел ничего общего с Нью-Йорком.

- Тетя Флоренс, должно быть, сильно уязвлена и страшно переживает.

- Она не знает. - Голди вперила в меня прижигающий острый взгляд. - И не узнает. Вдова живет в этом отеле, в апартаментах, за которые мой отец наверняка платит бешеные деньги. Господи, а этот алмаз, который она носит, - видишь? Он огромный! Хотелось бы мне знать, когда он ей его купил...

Алмаз трудно было не заметить. Своим блеском он состязался с блеском хрустальных подвесок на люстрах - и явно выигрывал.

- Пошли отсюда! - резко скомандовала кузина.

Мы молча вышли из отеля. Карета поджидала нас на улице. Я ласково дотронулась до руки Голди:

- Я очень сожалею...

- Из-за чего? - уточнила она.

- Из-за твоего отца. Воображаю, как тебе тяжело на это смотреть.

Голди задержала на мне долгий, пристальный взгляд:

- Ты совсем не такая, как я себе представляла.

Был ли это комплимент или порицание, я так и не поняла. А когда нахмурилась в замешательстве, кузина уже улыбалась. Но лишь одними губами; в ее глазах улыбки не было, и я это заметила. Но задаться вопросом «Почему» не успела. Голди добавила:

- Ты лучше, чем я рассчитывала, Мэй... Правда...

И все вопросы вылетели у меня из головы. Я проигнорировала все знаки, призывавшие меня: НЕ ВЕРЬ!

Это стало моей первой ошибкой.

Глава четвертая

По дороге домой Голди будто позабыла о моем существовании. Даром что я сидела рядом... Кузина молча смотрела в окошко, а когда мы приехали и вошли в дом, она вихрем взлетела по лестнице на второй этаж, оставив меня в холле в одиночестве.

- Мэй, это ты? - возникла в коридоре тетя.

Вид у нее был истощенный и болезненный, но она бодрствовала и держалась настороженно. С робкой улыбкой, словно побаиваясь моей реакции, Флоренс промолвила:

- Я - твоя тетя. Прости меня, пожалуйста, за то, что не смогла тебя встретить.

Как и предупреждала меня кузина, тетя не помнила о своем приходе в мою комнату ночью. Но Голди выставила ее полусумасшедшей, а я никаких признаков безумия в ней не заметила. И испытала невероятное облегчение.

– Как же я рада, что наконец-то вас вижу, тетя Флоренс! – громко выпалила я и обняла ее.

Тетя сначала застыла, но потом тоже обвила меня руками. А когда через несколько секунд я отступила назад, в ее глазах стояли слезы. Тетя достала носовой платок и промокнула их:

– Где Голди?

– Она поднялась в свою комнату. Я могу за ней сходить...

– Нет-нет. Пожалуйста, не надо. – Губы тети снова задрожали в вымученной улыбке. – Не надо ее беспокоить. Я бы хотела пообщаться с тобой, узнать тебя лучше. Тет-а-тет. Ты не откажешься почаевничать со мной, милая Мэй?

– С удовольствием.

Тетя повела меня по безлюдному коридору – сначала налево, потом направо... И еще раз направо, пока мы не оказались в той самой части, где накануне ночью я заплутала. Меблированная комната на самом деле оказалась тетиной гостиной. Почему она обитала в практически пустом крыле дома? Меня снова встретили инкрустированные самоцветами глаза стеклянных зверей, выставленных напоказ на каминной полке и овечьих облачком пачули.

Когда тетя Флоренс жестом пригласила меня сесть, я сделала это с охотой. На столе уже стояли заварной чайник и два подноса – один с изысканными сэндвичами, другой с пирожными. Они выглядели очень аппетитными, но в «Эмпориуме» мы с Голди перекусили, а проявившееся у меня позднее чувство голода заглушило страдание кухни в «Пэлэсе».

Сцена в баре встала перед глазами: миссис Деннехи касается руки дяди Джонни. Через миг в ушах зазвучало признание Голди: «Она не знает... И не узнает». Мне сделалось не по себе, и я поспешила отмахнуться от этих видений и слов.

Тетя села в кресло напротив:

– Тебя не затруднит налить нам чай? У меня что-то руки сегодня трясутся.

В действительности она дрожала всем телом. Ее ноги подкашивались и заплетались, с губ то и дело слетали вздохи, руки не могли найти себе места, а глаза упорно смотрели на закрытую дверь, словно ждали, что она вот-вот откроется и кто-нибудь вторгнется в комнату. Казалось, Флоренс ощущала себя неуютно «в собственной шкуре».

Я согласно улыбнулась и разлила чай по чашкам. От сахара и сливок тетя отказалась. Я тоже не стала их добавлять, но, сделав глоток, едва не поморщилась: чай был холодным и горьким, как будто бы – позабытый – настаивался в тетиной гостиной несколько часов. И мне снова вспомнились прошлая ночь и намек кузины на сумасшествие матери. Как долго тетя Флоренс прождала здесь, когда мы вернемся? Тетя подула в чашку, очевидно желая остудить давно остывший чай, отпила его и снова подула. Она ничего не сказала, только неясно улыбнулась и сделала еще один глоток. Словно не сознавала, что в воздухе между нами повисло выжидательное молчание. У меня скопилось тьма вопросов, но холодный чай и то, что это под собой подразумевало, растревожили меня. Раздумывая, как бы половчее завести разговор о матушке, я окинула комнату взглядом. Увиденное наводило на мысли о беспокойном, мятущемся рассудке: незаконченная вышивка, недовязанные кружева, недоделанная аппликация из засушенных цветов с разбросанными вокруг и уже обесцветившимися бутонами.

А затем я увидела на столе – за грудой ниток для вышивания – кувшинчик из-под драже. И на какой-то миг перенеслась назад в прошлое – в тот день, когда я поддалась вспышке гнева, и точно такой же кувшинчик скатился со стола, ударился о пол и рассыпался на мелкие кусочки, склеить которые уже не представлялось возможным; осколки толстого стекла лишь укоризненно поблескивали в свете лампы.

Тетин кувшинчик был целым. И тоже имел форму знаменитого колокола Свободы – как и наш с мамой сувенир с Филадельфийской Всемирной выставки. Я поглядела на характерные трещинки в форме – надпись, которую я выучила наизусть и помнила на память: «ПРОВОЗГЛАШАЕМ СВОБОДУ ВО ВСЕЙ СТРАНЕ! Всемирная выставка – столетняя международная выставка 1776–1876». Как часто я водила пальцами по этим буквам, представляя себе конфетки, некогда лежавшие в кувшинчике. «Шоколадные драже. Вкусные! Хотя мне досталась всего пара штук». Я вспомнила вопрос, заданный мною матушке: «А куда

делись остальные?», ее задумчивость и тихое: «Я отдала их кое-кому на хранение; я не хотела съесть все сразу, понимаешь... мне хотелось их сберечь... Но потом их не стало...» Для меня услышать такое было трагедией: «Что ты хочешь сказать? Как это – не стало?» «Она съела их... Я отдала их одной женщине...»

Сестре? Вот она – зацепка, которую я искала!

– Этот кувшинчик... Он ведь со Всемирной выставки, верно? У моей матушки был такой же.

– У каждой из нас был такой кувшинчик, – откликнулась тетя.

– В нем лежали конфетки, шоколадные драже... – подсказала я ей.

– В самом деле? – хлебнула свой холодный чай тетя Флоренс. И наклонила голову так, словно копалась в воспоминаниях. А затем обрадованно воскликнула: – Ах, да! Теперь вспомнила! Шарлотте драже не понравились, и она отдала их мне, а потом плакала, потому что я их съела. Можешь себе вообразить? Она попросила вернуть конфетки уже после того, как я их съела! И подняла такой ужасный шум, что мама отправила меня спать без ужина. Я тогда сильно разозлилась на Шарлотту... А знаешь, ты выглядишь не так, как я себе представляла. Но рот у тебя Кимблов.

Слова тети Флоренс огорошили меня. От матушки я слышала совсем другую историю. Я попыталась сопоставить оба рассказа, но оброненное под конец замечание тети отвлекло на себя все внимание. Рот Кимблов?

– Я думала, что похожу на отца...

– На твоего отца? – Хмурое выражение исказило все тетино лицо, ото лба до подбородка. – Нет-нет!

– Нет? Вы знаете, как он выглядел? Вам известно, кем он...

– Я его едва помню. Одно из мимолетных увлечений Шарлотты....

Я онемела от удивления. Что бы я ни ожидала услышать в ответ, но точно – не это! И слова тети опять не совпадали с историей матушки. С другой стороны... Разве мама мне когда-нибудь рассказывала о том, как они с отцом познакомились и сколько времени провели вместе? Нет, никогда! Отец вполне мог оказаться ее «мимолетным увлечением». Но я-то пребывала в уверенности, что он был ее самой большой любовью. Если вообще не единственной. Матушка так и не вышла замуж. И ни разу – ни словом – не обмолвилась ни о каком другом мужчине. Это сбивало с толку. Я погрузилась в раздумья. Но прежде чем смогла что-то сказать, тетя Флоренс промолвила:

– Люди часто принимали нас за двойняшек. Мы с Шарлоттой были очень близки...

Еще одно странное заявление. Очень близки? Но все же не настолько близки, чтобы упоминать друг о друге в семейном кругу. Матушка даже не включила сестру в свой рассказ о выставке, назвала ее «одной женщиной»... Мой разум отказывался все это воспринимать. «Пожалуй, лучше послушать, что еще скажет тетя!» – решила я.

– Что между вами произошло, тетя Флоренс?

Ее взгляд стал пугающе напряженным:

– Я потеряла свою сестру. Хорошо хоть – ее дочь со мной рядом. Теперь, когда ты у нас, мы можем часто чаевничать вместе. Хотя бы раз в неделю. Мы просто должны...

И это то, чего хотела я! Это был шанс все прояснить, узнать правду. Я не могла не обрадоваться. И вместе с тем мной овладела удрученность – от таких резких поворотов в нашем разговоре.

– Я буду счастлива видеться с вами, тетя.

– Ты можешь мне доверять, уверяю тебя.

– Да, конечно.

- Мне не хотелось бы разочаровать сестру.

Опять такие странные слова! Я вообще не уловила их смысл. Но опять решила, что мне еще представится время надо всем поразмыслить. Я думала, что мы еще не раз встретимся с Флоренс за чаем. И поэтому, услышав небрежный стук в дверь, подавила нетерпение и отложила все свои вопросы на потом. В комнату вошла служанка - снова Шин! В то время я еще мало что знала о прислуге, и мне не показалось странным, что Шин прислуживала сразу трем женщинам: Голди, мне и тете.

- Вы звали меня, мэм?

Тетя Флоренс нахмурилась:

- Я? Звала? Не помню такого...

- Вам пора принять лекарство, мэм, - вынула из своего кармана пузырек китаянка. - Лучше всего добавить его в чай.

Быстро придвинув к себе чашку, тетя Флоренс прикрыла ее рукой:

- Нет. Я не хочу его принимать. Не сейчас. Мне нужно поговорить с Мэй.

- Мэм, вы же знаете, вы должны выпить лекарство сейчас. Так доктор говорит.

- Доктор... - В тоне тети Флоренс послышалась неуверенность; ее дрожь усилилась.

Я повернулась к Шин:

- Ты можешь оставить лекарство мне. Я прослежу, чтобы тетя его приняла.

- Его необходимо принять сейчас, - уперлась китаянка.

- Да, но...

– Давайте, мэ, – вытянула руку китаянка, и мой взгляд снова устремился к жуткому пеньку недостающего пальца. – Мистер Салливан узнает, если вы его не примете.

Тетя Флоренс резко переменилась:

– Да, конечно. Спасибо.

Как послушный ребенок, она передала свою чашку на блюдце служанке. Та отсчитала капли (настойки опиума, как предположила я, памятуя рассказ Голди). И вернула чашку тете, ласково добавив:

– Благодаря этому лекарству вы почувствуете себя лучше.

Тетя Флоренс покорно сделала глоток. И ненадолго закрыла глаза. А я в нетерпении ждала, когда Шин удалится. Но служанка не ушла, а отступила к камину и застыла там в ожидании. От ее молчаливого, но очевидного присутствия у меня на затылке зашевелились волосы. «Она либо вообще не смотрит на тебя, либо смотрит слишком пристально».

Тетя Флоренс отпила еще глоток:

– Ты не хочешь съесть сэндвич... или пирожное, моя милая? Не понимаю, почему повар наготовил столько еды для нас двоих...

Но только ли для нас двоих? Тетя не могла знать, присоединится к нам Голди или нет. Или она знала? Может быть, она так специально спланировала, чтобы поговорить со мной без дочери? Желая ей угодить, я взяла сэндвич и откусила кусочек. Начинка мне понравилась – очень вкусный яичный салат.

Тетя Флоренс хлебнула еще глоток чая. Ее руки перестали трястись. Губы медленно изогнулись в мечтательной улыбке:

– Ник покатает тебя после обеда по Сан-Франциско. Ты посмотришь наш город.

Я глянула на часы. Обеденное время давно миновало; было уже начало седьмого.

– Вы очень добры ко мне, тетя, но я уже... Я хочу сказать... Голди уже показала мне город. Мы ездили за покупками.

– За покупками? – По тетиному лицу пробежала тень; ее глаза потускнели. – Но я полагала... Джонни сказал... А Шарлотта одобрила?

Похоже, опиум подействовал. Или проявилась та спутанность сознания, о которой упоминала кузина. Я с сочувствием (но и с разочарованием тоже) отложила в сторону сэндвич и как можно мягче сказала:

– Ее нет, тетя Флоренс.

– Она уже уехала в Ньюпорт?

Насколько я знала, ноги моей матушки в Ньюпорте никогда не было. Там проводили лето богатые ньюйоркцы.

– Нет, тетя Флоренс. Мама умерла два месяца назад, вы разве не помните? И теперь я буду жить у вас.

Тетя в замешательстве насупилась, потом облизала губы:

– Ах, да-да, помню. Какой была ее кончина? Надеюсь, мирной?

Я не имела никакого представления о последних минутах жизни матушки. Ее сердце отказало, когда она возвращалась домой, получив плату за сдельную работу. Матушка упала прямо на улице, и врача к ней вызвал случайный прохожий. Но доктор затруднился ответить на мои вопросы: «Я могу лишь предполагать, мисс Кимбл. Скажите себе, что она умерла быстро, не мучаясь, если это вас утешит. Может, так и было. Я не могу ни подтвердить это, ни опровергнуть».

– Да, она ушла мирно, – сказала я. – Голди говорит, что матушка написала вам письмо перед...

– Я волнуюсь за Шарлотту. Они никогда не была сильной.

Еще одна нестыковка – мнение тети о матушке противоречило моему опыту. Мама была решительной, непреклонной и непоколебимой в своих убеждениях, самым прочным из которых была ее вера в доброту других людей. Я никогда не думала, что тоже буду заведомо считать других людей добрыми и порядочными. Но зачастую... мы себя не знаем.

– Я всегда была ее поддержкой и опорой, – тихо, словно размышляя вслух, продолжила Флоренс. – Шарлотта во всем на меня полагается. Иногда это немного тяготит. О ней кто-нибудь заботится, пока ты здесь? – медленно моргнула тетя, явно пыталась удержать цепочку своих мыслей.

Мое сердце сжалось от жалости к ней. И в то же время мне сделалось грустно. Грустно за себя, потому что стало очевидно: ответов на свои вопросы я этим вечером не получу.

– Да, – ответила я тете.

Это была неправда. О матушке на этой земле уже никто не мог позаботиться. Она теперь пребывала в Царствии Божьем.

– Когда ты возвращаешься?

– Я думала погостить у вас некоторое время, если вы не против...

Тетя Флоренс поставила чашку на блюдце. От ее прежней нервозности не осталось и следа. Теперь она была воплощением апатичности и сонливости.

– Приятно было поболтать с тобой, Шарлотта. Но я правда должна прилечь. Ты сможешь мне добраться до спальни? Я очень устала.

Я помогла тете встать на ноги, и она повисла на мне, всецело положившись на мою помощь. Ее взгляд вспыхнул благодарностью, окончательно расстроившей меня. И побороть свое неловкое смущение я не смогла, даже когда тетины глаза прикрылись веками, а голова легла мне на плечо.

Теперь я порадовалась, что с нами осталась Шин. Вместе мы вывели тетю Флоренс из гостиной в запустелый коридор. И пока мы поднимали ее по

лестнице на второй этаж, в спальню, она, казалось, спала. Несмотря на то, что на дворе стоял июль и день был длинным, шторы в тетиной спальне были задвинуты. Комнату освещал лишь тусклый свет керосиновой лампы, отбрасывавшей бледные блики на картины в позолоченных рамах и причудливые тени на стены, обитые голубым бархатом. Тишина в ней была такой явственной, такой странной, как будто спальня – как живое существо – задержала на время дыхание. Тетя со вздохом опустилась в кресло у окна. Но прежде чем я отошла, она схватила мою руку и крепко стиснула ее:

– Ты обещала заходить ко мне на чай. Не забудь.

– Не забуду, – заверила я Флоренс.

Шин накрыла тетю одеялом, вышитым тамбурным швом, и сказала мне:

– Я с ней побуду, мисс.

В унынии и грустных мыслях я вышла в коридор и в ужасе вздрогнула, устранившись собственного отражения в одном из многочисленных зеркал. Что же сделала со мной усталость! Я выглядела ничуть не лучше изможденной тети. Я отвернулась, но только для того, чтобы снова увидеть себя в зеркале напротив. Еще миг – и я задвоилась, затроилась, почти бесконечно размножилась в несметных фигурах Мэй Кимбл...

Нахмурившись, я вгляделась в себя пристальней. Да, что-то знакомое... Убрал с лица хмурое выражение, я постаралась придать ему тот же вид, что был пару минут назад – испуганный, пораженный, с поднятыми бровями... И да! Я не ошиблась. Я увидела черты тети Флоренс там, где никогда не находила сходства с матушкой. Хотя в отсутствии старания упрекнуть себя никак не могла. Тетя сказала, что у меня рот Кимблов, а матушка мне этого никогда не говорила. В свое время я дотошно изучила контуры своих скул, свою кожу, все изгибы, выпуклости и изъяны. Все искала в своем лице то, что подсказало бы мне, чья кровь текла в моих жилах – аристократки или простолюдинки. И порой мне в голову даже закрадывалась подленькая мысль: а одной ли мы крови с мамой? Или я ей – неродная дочь?

Но теперь я увидела то, чего не замечала прежде – семейное сходство. Забавно, однако, обнаружить часть себя в трех тысячах милях от того места, где ты

появилась на свет.

«Мне не хотелось бы разочаровать сестру». Какое странное замечание, особенно если учесть, что Флоренс полностью выпала из маминой жизни. Кто из них первой покинул другую? Где родились сестры Кимбл и почему их пути так резко разошлись?

Намеки, слетевшие с губ тети Флоренс, вихрем закружились в голове. «Одно из мимолетных увлечений Шарлотты...» «Мы с Шарлоттой были очень близки...» «Она никогда не была сильной...»

Что же это была за история? Что у них или с ними случилось? Как мне это выяснить?

Скрип распахнувшейся двери в момент отвлек меня от размышлений.

– Я думала, мне послышалось, – фыркнула Голди. – Что ты здесь делаешь?

– Я пила чай с твоей мамой.

Удивление кузины показалось мне почти комичным.

– Ты... что?

– Она ожидала внизу. Я хотела сходить за тобой, но она...

– Что она сказала? – Голди жестом пригласила меня в свою спальню, ослепляющую белой мебелью, золотистыми обоями с рисунком из зеленых лиан и крошечных белых птичек и белыми абажурами с золотой бахромой. А из-за жасминового аромата, забивавшего все прочие запахи, было трудно дышать.

– Расскажи мне все, – потребовала кузина.

– Тетя хочет, чтобы я к ней приходила на чай, раз в неделю. Я пообещала.

– Мама так сказала? – нахмурилась Голди. – Она уже, наверное, об этом позабыла.

– Я тоже так думаю. Пока мы чаевничали, пришла Шин и дала ей настойку опиума.

Кузина вздохнула:

– Слава богу! Маме от нее намного лучше.

– А ты никогда не интересовалась, что случилось, Голди?

– Случилось? С кем?

– С нашей семьей. Тетя Флоренс сказала мне только, что они с моей матушкой были близки. С ее слов их даже за двойняшек принимали. А потом тетя сказала... Ну, в общем... то, что она сказала, совсем не вязалось с мамиными рассказами...

– Вот видишь, Мэй! – Тон Голди сделался напористей. – Тебе не стоит ей доверять! Ни в чем! Она не понимает, что говорит.

– Я пообещала тете Флоренс, что приду к ней еще на чай.

– Она об этом и не вспомнит. Но если начистоту... тебе лучше спросить разрешения у меня или папы, когда она снова позовет тебя на чай. Ты же не хочешь ей навредить.

– Нет, конечно же нет! – мотнула я головой.

– А теперь, если ты не против, Мэй, я пойду вздремну.

«Вздремну»? Так поздно? Мне показалось это странным. Но возможно, у кузины сложилась такая привычка...

В ожидании ужина я вернулась в свою комнату. Она выглядела теперь совсем иначе, нежели утром, когда туман полностью заблокировал меня в ее стенах. Теперь из окна открывался величественный вид – город простирался до самой гавани с кораблями, пароходами и рыбацкими лодочками с парусами необычной формы, и все это окольцовывали бурые холмы.

Я схватила свой альбом и начала рисовать, позволяя карандашу вести мою руку туда, куда он желал. Комфорт и определенность интерьера, ясность и четкость узоров на шторах, драпировках и обоях заставили истории о кувшинчиках с драже, «мимолетных увлечениях» и бессмысленных для меня впечатлениях поблекнуть. Зато воспоминания о мамушке, те факты, которые я о ней знала, и ее рассказы, которым я всегда доверяла, становились все явственней и ярче с каждым новым эскизом, выходившим из-под моего карандаша.

На ужин меня никто не позвал, и я потерялась во времени. Сколько времени я провела за рисованием? Должно быть, несколько часов, потому что солнце уже село. Я рисовала в сумерках! «А это что?» Мой слух уловил чью-то поступь в коридоре. Шаг... Еще один шаг... Вспомнив о склонности тети к лунатизму, я напряглась. Но на этот раз никто не постучал в мою дверь. Еще несколько тихих шагов в холле, и внезапно меня осенило. В том состоянии, в котором я оставила тетю Флоренс, она не смогла бы и шага пройти без посторонней помощи. (Чего стоило нам с Шин затащить ее по лестнице наверх!) Я слышала не ее поступь!

Отложив в сторону альбом, я тихонько – не желая никого беспричинно тревожить – приоткрыла дверь. Каково же было мое удивление, когда я увидела не тетю, а кузину! Голди в темной накидке и шляпе с низко опущенными полями, крадучись, спускалась по лестнице. Она не заикалась ни о каких развлечениях этой ночью, да и одета кузина была не для приема или бала. Куда же она направлялась?

Я хотела ее окликнуть, но прикусила губу. Судя по тому, как Голди двигалась, она явно не желала, чтобы ее услышали или увидели.

Дождавшись, когда кузина исчезла из виду, я тоже прошмыгнула в холл. И услышала тихий топоток ее ботинок по изразцам, выстилавшим пол на первом этаже. А затем тихий – ох, какой же тихий! – скрип открывшейся парадной двери.

«Оставь Голди в покое, – наказала я себе. – Расспросишь ее обо всем завтра».

Порешив на этом, я вернулась в комнату и, снова сев в кресло, взяла альбом. Но мое любопытство разыгралось так, что мне стало не до рисования. Я сидела и вслушивалась в ночную тишину; от напряжения у меня даже разболелась голова. Я закрыла глаза, и передо мной промчался, словно поезд, весь минувший день. Картины сменялись, перетекая друг в друга: Чайнатаун... ветер, пытавшийся сорвать с моей головы шляпу на глазах у наблюдавших за его проказами мужчин... отель «Пэлэс» и... тетя Флоренс со словами «Ты можешь мне доверять!».

А когда я открыла глаза, за окном клубился унылый серый туман – верный спутник утра.

Глава пятая

Когда я на следующее утро ткнулась в дверь кухни, она оказалась заперта. Ни на мой тихий стук, ни на мой шепот «Голди, ты проснулась?» ответа не последовало. Я решила, что она еще спит, но скоро выйдет.

Чувство голода понудило меня пойти на запах еды в столовую. Там находился лишь дядя Джонни; он сидел за огромным столом из красного дерева, за которым могли бы одновременно уместиться двадцать человек. И снова дядя Джонни был одет безупречно, на этот раз – в костюм черного, как уголь, цвета. Часы на золотой цепочке свисали на его груди с таким идеальным изяществом, что я озадачилась: уж не приклеены ли они? Попивая кофе, дядя читал «Вестник Сан-Франциско». А за его спиной, у бледно-серой стены, раскрашенной под камень, стоял лакей. Я уставилась на рога, торчавшие из его головы. И глазела на них довольно долго, пока не сообразила – это рога одного из диких зверей, чьи черепа, закрепленные на деревянных тарелках, украшали стену. Вероятно, они были призваны придать комнате вид старого охотничьего домика. Черепа, а не охотничьи трофеи-головы, что было бы еще хуже.

При виде меня дядя Джонни опустил газету.

– Что ж, по крайней мере, один представитель моего семейства соблаговолил явиться на завтрак. Доброе утро, Мэй, – поприветствовал он меня.

А я тут же вспомнила, как накануне дядя сидел за столиком в баре «Пэлэса», рядом с любовницей, пока тетя Флоренс ждала в своей гостиной с холодным чаем. Но я ничего не знала об их отношениях. А дядя мне улыбался, и негоже было примерять на себя мантию судьи, когда он был так добр ко мне.

– Доброе утро, дядя Джонни. Извините, что пропустила вчера ужин. Я заснула.

– Ужин? – Похоже, дядю удивило мое извинение. – Ах, да! Ничего страшного, ровным счетом ничего! Тем более что я тоже его пропустил...

И у меня перед глазами снова всплыл образ миссис Деннехи с сигарой и сверкающим алмазом. Пришлось поднапрячься в поисках другой темы для разговора:

– Вы случайно не «Вестник» читаете? Голди будет раздосадована. Она так надеялась, что ваш бал будет упомянут в колонке светской хроники.

Это была полушутка, но дядя засмеялся с таким презрением, что я невольно попятилась: глумливость не вязалась с добродушием, которое он прежде мне демонстрировал:

– «Вестник»? Пусть этот мусор читает дочь...

– А-а-а... А-а, понимаю... я...

На губах дяди снова заиграла добрая улыбка:

– Все в порядке, моя дорогая. Я не против колонки светской хроники. Я просто на дух не выношу редактора этой газеты. Садись, Мэй. Поешь что-нибудь. Давай познакомимся поближе.

Я подошла к подсобному столику, на котором громоздилось кушаний больше, чем мне когда-либо доводилось видеть в одном месте: омлеты, яйца-пашот, грудки индейки, стейки и бекон, жареный картофель и помидоры. И как только

дядя умудрялся сохранять форму при таком кулинарном изобилии по утрам?

– А что, редактор «Вестника» вас чем-то обидел? Или оскорбил?

– Моя милая Мэй! То, что ты делаешь вид, будто тебе это интересно, – конечно, похвально. Но я-то знаю, какую скуку наводят на девушек деловые разговоры. Никто не желает слушать, как я бурчу на Фремона Олдера.

– Но мне интересно, – искренне сказала я. – Я так мало знаю об этом городе. И мне хочется по-настоящему стать частью вашей семьи, дядя. Мне хочется узнать о вас все.

– Ну, наверное, не все, – хмыкнул дядя. – Юным леди не стоит обременять себя подобными проблемами.

Я положила себе на тарелку омлет и помидоры, но тарасившиеся на меня со стены черепа вдруг отбили у меня аппетит.

– Какими проблемами?

Поднявшись, чтобы отодвинуть мне стул, дядя вперил в меня изучающий взгляд:

– Ты говоришь серьезно? Уверяю тебя, это обычные деловые вопросы. Тебе не о чем беспокоиться.

Я села:

– Просто мы с матушкой... Боюсь, я с детства привыкла беспокоиться обо всем...

– Что ж, мы этому положим конец, – снова присев, заявил дядя Джонни с некоторым драматизмом (склонность к театральности, даже более выраженная, была присуща и его дочери). – Я здесь для того, чтобы твои тревоги и заботы остались в прошлом.

Я попробовала кусочек омлета. Он оказался нежным, воздушным и таким вкусным, что я еле удержалась от того, чтобы не запихать себе в рот весь омлет целиком. Проглотив кусочек, я спросила:

– А каким делом вы занимаетесь, дядя Джонни?

– Строительство. «Салливан Билдинг», если точно. Мы построили несколько домов, которые ты видела в деловой части города. Много офисных зданий. В несколько этажей.

– А правительственные и административные здания вы возводите?

Дядя насупил брови:

– Мы построили здание мэрии. А что?

– Кто-то упомянул об этом вчера, когда мы с Голди гуляли по городу.

Дядя Джонни показался мне искренне ошеломленным.

– Кто? Что они сказали?

– Какие-то мужчины на улице. Ничего конкретного. Что-то насчет контрактов, – ответила я. Мое объяснение привело меня мысленно опять в «Пэлэс», а мои инстинкты, подобно вчерашней реакции Голди, побудили меня сменить тему. – Вы хотели мне рассказать, почему вам не нравится мистер Олдер из «Вестника».

Дядя молчал. Но взгляд его светлых глаз сделался пронзительным, и я, уткнувшись в тарелку, принялась ковырять омлет вилкой.

– Да, – наконец медленно произнес дядя Джонни. – Конечно. Олдер мне не нравится главным образом потому, что он – враг нашего замечательного мэра Шмитца и Эйба Руфа, его правой руки.

Я снова вспомнила вчерашний день и человека, сидевшего за одним столом с дядей. Эйб Руф. Кузина тогда назвала именно это имя и добавила: «В этом городе ничего без него не делается».

– Понимаю...

– Олдер попытался подогреть общественное мнение и добиться расследования сказочной истории, которую он выдумал. О коррупции в мэрии. Но его никто не поддержал. Мэр знает свое дело. И Руф тоже. Город растет; нам не нужны раздутые скандалы, расследования и суды, которые только замедлят его развитие.

Дядя говорил быстро, нанизывая слово на слово. И у меня сложилось впечатление, что он в своем энтузиазме позабыл, что разговаривает со мной – с девушкой! Он словно держал речь перед публикой, используя наработанные словесные заготовки:

– Олдер далек от бизнеса, тогда как нам необходим человек, который в нем смыслит и поддерживает предпринимателей. А не тот, кто полагает, что план благоустройства города, придуманный каким-то садовником из Чикаго, идеальнее всего подходит для Сан-Франциско. Сан-Франциско может и без этого стать «самым царственным городом Запада». Кому по силам нас обойти? Сиэтлу? Ха! Разбазаривание средств на все эти бульвары и статуи только затормозит нас. Единственное здоровое и полезное в этом плане – предложение избавиться от Чайнатауна.

Я ожила, вспомнив китайские иероглифы на витринах и вышитые шелка, отражавшие свет.

– Что с ним будет?

Дядя Джонни пожал плечами:

– Какая разница? Он занимает очень дорогую землю. Лучшее местоположение в городе. Вообрази, что там могло бы появиться, если бы Чайнатауна не стало. Такие отели, как «Фермонт», например. Ты ведь его видела?

– Да, видела. Если бы нам удалось изгнать китайцев... Ты только представь! У нас заканчиваются хорошие строительные площадки. А аренда элитной недвижимости... Сколько денег на этом можно сделать – на благо всем. У меня готов новый проект. Я сам его разработал. Для застройки одной из последних оставшихся площадок. Я готов привлечь профессионального архитектора, если он учтет мои пожелания. Но нет! Мистер Олдер не желает обсуждать развитие города. Не его тема! Для него главное – беречь спокойствие людей своими

страшилками о взяточничестве и коррупции.

Дядя прокашлялся:

– Прошу прощения, моя дорогая. Я иногда забываюсь. Ты только приехала и еще толком ничего не знаешь об этих людях. Но для меня – как ты, верно, уже догадалась, – это тема важна.

– Мне очень интересно, дядя. Правда! Сан-Франциско предстоит стать моим домом. Думаю, мне следует знать обо всем, чем живет город.

– Такие сложные вопросы лучше оставить мужчинам, – теперь уже дядя поспешил сменить тему, и деловитость в его голосе заместило огорчение: – Мне жаль, что тебе еще не представилась возможность встретиться с тетей. В последнее время она частенько чувствует себя неважно.

– Вы ошибаетесь, дядя. Я уже повидалась с ней. Вчера. Мы вместе пили чай.

Брови дяди взметнулись от удивления вверх:

– Чай?

– Да. После того, как мы с Голди вернулись с шопинга.

– Голди тоже была с вами?

– Нет. Она ушла к себе. Мы с тетей Флоренс были сначала вдвоем, а потом пришла с лекарством Шин.

Дядя в несвойственном ему замешательстве снова опустился в кресло:

– Я ничего об этом не слышал.

Я намазала тост маслом и макнула его в лужицу сока, вытекшего из помидор:

– Мы очень приятно провели время.

- Да? И о чем вы разговаривали?

- В основном о матушке. А вам тетя Флоренс ничего не рассказывала о моей маме?

Дядя Джонни помотал головой:

- При нашем знакомстве она сказала мне, что ее родители умерли. О своей сестре она никогда и ничего не говорила. Я сильно удивился, узнав, что у нее была сестра.

- Вы узнали об этом, когда матушка прислала письмо?

Дядя нахмурился:

- Письмо?

- Голди сказала, что матушка послала письмо, и именно из него вы узнали о моем существовании.

- Ах, да! Ну, конечно! Письмо.... - Дядя постучал по газете пальцами с безукоризненным маникюром, как будто это действие помогло ему вспомнить. - Оно было адресовано твоей тете. Флосси пересказала мне его содержание и призналась, что решила послать за тобой. У меня все это просто вылетело из головы...

- А я могла бы взглянуть на письмо?

- Если оно найдется. Я понятия не имею, где оно. Скорее всего, у тети.

- Возможно, она вспомнит, куда его положила, - позволила я усомниться в ясности памяти своей тети. - Я спрошу у нее, когда мы в следующий раз встретимся за чаем.

- В следующий раз?

Я кивнула:

– Тетя изъявила желание видетсья со мной за чаепитием раз в неделю. – Теперь дядя Джонни тяжело вздохнул. И я поспешила добавить: –?Я пообещала Голди не ходить к ней, не переговорив прежде с кем-либо из вас. Поскольку ни вы, ни кузина ничего не знаете о ее семье («или о моем отце» – добавила я про себя), я надеялась, что смогу задать тете Флоренс несколько вопросов.

Явно взвешивая свою неуверенность, дядя Джонни помотал головой. А я подумала, насколько продуманными были все его действия, жесты и даже стиль одежды. Как будто он допускал, что за ним в любой момент могут наблюдать.

– Пожалуй, лучше я проконсультируюсь с доктором Броуном, прежде чем дам свое согласие. У Флосси проблемы с головой, путаются мысли. И ее так легко привести в замешательство! А тебе как показалось за чаепитием? Она была в ясном сознании?

– Хм... да. Поначалу...

– Тогда тебе повезло. Такое бывает не часто. – Отодвинув от себя тарелку и положив локти на стол, дядя наклонился вперед: – Позволь мне спасти тебя, Мэй, от болезненного урока. Моменты просветления рассудка у Флосси случаются редко и с большими интервалами. Независимо от того, принимает она настойку опиума или нет. К сожалению, твоя тетя – истеричка. Но это – личное дело. С тобой я откровенен – как с полноправным членом нашей семьи. Но полагаю, ты не станешь сплетничать о тете в обществе, – выразил надежду дядя.

– Конечно... – заверила я, ощущая некоторое разочарование. Мне-то думалось, что он скажет мне что-то отличное от того, что говорила кузина и чему я сама оказалась свидетельницей. – По словам Голди, тетя Флоренс изменилась так после того, как ее начали изводить головные боли...

Еще один тяжелый вздох:

– В общем-то, да. Хотя, боюсь, кое-какие признаки проявлялись и раньше.

Я смутилась: а что, если под этими «признаками» дядя подразумевал тетино решение касаясь меня? Неужели... Нет! Надо удостовериться!

– Надеюсь, мой приезд не стал для вас неприятным сюрпризом. Мне не хотелось бы обременять...

– О господи! Конечно же нет! Когда Флосси рассказала мне о твоих обстоятельствах, я первый сказал: пускай переезжает к нам.

– Я вам благодарна, дядя.

– Но твоя тетя больна, – продолжил дядя, – и я думаю, что ты сможешь ей больше, если будешь следовать предписаниям доктора. Как и все мы. Доктор предлагает давать Флосси настойку постоянно, а он, вне всякого сомнения, лучше нас разбирается в болезнях. Да и по Флосси заметно, что лечение имеет результат: она меньше тревожится, стала более спокойной.

Светлые глаза дяди встретились с моими; заметив в них печаль, я позабыла о его любовнице и поверила ему.

– Я очень хочу, чтобы все вернулось на свои круги, Мэй. Я желаю всем сердцем, чтобы твоя тетя поправилась. Она значила для меня все. Если бы не помощь Флосси, ничего этого у меня бы не было, – кивнул на комнату дядя. – Она была прекрасной женщиной, и я желаю ей только хорошего. Тебе известно, с чего я начинал, Мэй?

Я помотала головой.

– Мой отец был «человеком сорок девятого года». Он приехал в Америку из Ирландии – искать золото. Но нашел лишь несколько крупинок. Он их сберег и на смертном одре отдал мне. «У меня не вышло разбогатеть», – сказал мне отец. Но талант делать деньги он узрел во мне. И пожелал мне себя проявить.

– Сейчас бы он гордился вами, – предположила я.

– Мой отец был лгуном и вором, но я ему очень благодарен за Флосси. Однажды я увидел ее выходящей из «Сити оф Парис». Отец сказал, что у меня нет

шансов – уж слишком велика была разница в нашем социальном положении. Но я заговорил с Флосси – только чтобы доказать отцу его неправоту. И знаешь что, Мэй? Если у меня был талант делать деньги, то твоя тетя оказалась мне под стать. Вместе мы сколотили целое состояние. – Дядя Джонни замолчал, погрузившись в собственные мысли.

А я замерла в ожидании, когда он мне все разъяснит. Вопросы роились в моей голове: что за талант был у тети? Что она делала в «Сити оф Парис»? Имелись ли у нее свои деньги до встречи с дядей? Была ли с ней здесь моя матушка?

Наконец я дождалась, что он снова заговорит. Но, открыв снова рот, дядя лишь поинтересовался:

– Как тебе Сан-Франциско, Мэй? Тебе здесь нравится?

Столь резкий перевод разговора вызвал у меня замешательство, но я быстро собралась:

– Да. Очень.

– Жалоб у тебя никаких нет? По дому скучаешь?

– Совершенно не скучаю, – заверила я, и это было абсолютной правдой. – Сан-Франциско совсем другой, но он воодушевляет и заряжает тебя энергией.

– Это хорошее место, чтобы изменить свою жизнь, начать все заново. Сан-Франциско не обращает твои ошибки против тебя. И здесь всегда имеются возможности. Всегда! Тебе остается просто воспользоваться ими, когда ты их увидишь, – сказал дядя и снова устремил на меня свой пристальный, изучающий взгляд: – Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Дядя вовсе не сменил тему разговора. А я – все еще ошеломленная – пробормотала:

– Да... думаю, да...

– В жизни нам предоставляется масса возможностей. И не грех воспользоваться тем, что само плывет тебе в руки. На самом деле я думаю, что в этом как раз сила.

Иногда люди прямо и точно говорят тебе, какие они. Увы, я не внимательно слушала дядю – отвлеченная его рассказом о тете Флоренс и своими собственными вопросами.

– А теперь, моя дорогая, прошу меня извинить. Дела ждут в офисе, – объяснил дядя Джонни и, сложив газету, встал из-за стола. – Дождись, пока я переговорю с доктором Броуном, прежде чем снова пить с тетей чай. Ладно? Возможно, я даже устрою вам встречу, и ты сможешь задать ему любые вопросы, которые тебя волнуют.

– В этом нет необходимости. Но мне бы очень хотелось увидеть письмо моей матушки.

– Я разузнаю о нем.

– Спасибо вам, дядя!

Улыбнувшись, он положил мне руку на плечо:

– И последнее, Мэй. Если тебе что-нибудь потребуется – не важно что, – спрашивай! Не бойся. Ты теперь – часть нашей семьи. Ты – Салливан во всем, за исключением фамилии.

Какое благородство!

– Вы так добры ко мне, дядя Джонни. Вы все...

Он утешающе погладил меня по плечу:

– Вот и кузина твоя пришла. Так что оставляю вас вдвоем – ешьте и болтайте себе на здоровье.

Я бросила взгляд на дверь. На пороге стояла Голди в блузке в зеленую полоску и темно-зеленой юбке. Она подставила щеку отцу для поцелуя, а тот, чмокнув ее, прошептал что-то на ухо дочери и вышел из комнаты. Кузина неторопливо направилась к подсобному столику. Когда она села за стол, на ее тарелке лежали только несколько полосок бекона да одинокий тост.

Выглядела Голди уставшей. Обычной свежести на ее лице не было. Любопытство взяло надо мной верх, и, памятуя о том, с какой легкостью кузина поверила мне тайну о связи отца и миссис Деннехи, я решила, что она столь же прямо и откровенно его удовлетворит.

– Я удивилась, что ты уже встала. Ведь вернулась ты вчера, должно быть, крайне поздно...

Сев напротив меня, Голди налила себе в чашку кофе:

– Поздно? Я вернулась из города вместе с тобой, ты разве не помнишь?

– Я имела в виду твою отлучку из дома потом, поздним вечером, – понизила я голос. – Я видела тебя. Куда ты ходила?

Голди выгнула бровь:

– Не понимаю, о чем ты. Я легла спать и не вставала с постели всю ночь.

– Но я тебя видела...

– Наверное, тебе это привиделось во сне.

– Ты была в темном пальто и шляпе...

– Может, пригласить доктора? – Кузина уставилась на меня так, словно не могла определиться, как ей реагировать – то ли удивляться, то ли волноваться за меня. – Что я вижу? Ах, ну, конечно! Явные признаки лунатизма, – поддразнила меня Голди и рассмеялась.

Я с трудом заставила себя улыбнуться.

- Я... у меня...

- Подруги ведь должны друг другу доверять, не так ли, Мэй?

- Полагаю, так.

- Только говоришь ты это как-то неуверенно.

- У меня никогда не было подруг.

- Никогда? Я в это не верю.

- Матушка не позволяла мне водить с кем-либо дружбу...

Признать свою изоляцию и одиночество было тяжело. Я столько времени провела, пытаюсь убедить себя в том, что мне не одиноко и не скучно, что я не нуждалась в такой дружбе, о которой читала в романах, а люди, за которыми я наблюдала из окна, не вызвали у меня зависти и не вдохновляли к общению с ними. Конечно же, я бунтовала. Не раз и не два. А какой ребенок этого не делал? Но своими бунтами я только навлекла на себя гнев и разочарование матушки. В конечном итоге я признала: мне проще делать так, как она говорит. И прекратила бунтовать. А когда матушки не стало, мне труднее всего оказалось принять досадный факт: теперь я была вольна делать все что хотела, но у меня не имелось друзей, к которым я могла обратиться за утешением, поддержкой или помощью.

- Район, в котором мы жили, не соответствовал нашему классу. В нем обитали в основном иммигранты. Матушка не хотела, чтобы я с ними общалась.

- Ты это всерьез? - спросила Голди.

- Матушка желала мне только хорошего. Ей не хотелось, чтобы я запятнала свою родословную, - горько усмехнулась я.

Голди медленно поставила чашку:

- Твою родословную? Я думала... папа сказал, что ты...

- Незаконнорожденная? Да, так и есть. Я не знала своего отца. И до сих пор не знаю. Им мог быть Уильям Вандербильт, насколько я могу судить.

- Ты серьезно? Нет, правда? Вандербильт?

Мне предстояло сделать еще одно трудное признание. Но раз я ждала откровенности от Голди, значит, должна была предложить ей взамен свою.

- Матушка говорила, что мой отец принадлежит к одному из старейших семейств в Нью-Йорке. И очень богат.

- Она лгала?

- Не знаю. Думаю... Ну, если честно, то я думаю, что матушка чересчур сильно ему доверяла. Она говорила, что в один прекрасный день у меня начнется жизнь, для которой я рождена. Она заключила с отцом что-то вроде сделки. Мне неизвестно, в чем она состояла. Но что бы ни пообещал отец матушке, он своего слова не сдержал. Опять же, насколько я знаю... Мы жили в пансионе. Мама бралась за любую сдельную работу. Я и сама работала - в магазине. Я постоянно приставала к матушке с расспросами. Но она уходила от ответов. Наотрез отказывалась рассказывать мне об отце или о своей жизни до моего рождения. Как, впрочем, и о своей семье тоже. После ее смерти я дала отцу последний шанс. Я поместила в газетах объявление о ее кончине. Пустая трата времени и денег! Он так и не появился. Даже письмеца короткого не прислал.

Голди смотрела на меня так, словно я рассказала ей какую-то сказочную, невысказанную историю:

- Я понятия ни о чем не имела. Хотя должна была догадаться по твоей одежде. Багаж не придет, верно? - Я потрясла головой. - ?Но у тебя такие хорошие манеры, и речь хорошо поставлена, и... - Кузина запнулась на полуслове, но через пару секунд добавила: - Похоже, твоя мама тоже была не в себе. Как моя. Похоже, она все нафантазировала.

Самое простое и легкое объяснение...

Но я снова помотала головой:

– Нет, я ничего такого в ней не замечала. Я считаю, что отец ее обманул. А она ему поверила. И умерла она с верой в него. Она никого больше так и не полюбила.

– Ты действительно не представляешь, кто мог быть твоим отцом? – спросила Голди.

– Нет. Я перебрала все варианты. Сколько журналов просмотрела! Сколько раз вглядывалась в фотографии на страницах, посвященных высшему обществу. Пыталась найти, у кого был мой нос или мои глаза. Порой мне казалось – вот, я его нашла! И тогда я мечтала всю ночь, засыпая только под утро. А когда пробуждалась, понимала, что сама себе морочила голову.

– Ну и ладно! Не нужен тебе никакой отец! Теперь у тебя есть мы, – вскочила на ноги Голди. – Вызываюсь быть твоим официальным проводником в новую жизнь с новыми друзьями. Мы тебя так зайдем, что у тебя не останется времени даже на воспоминания о Нью-Йорке. Поднимайся! Живее! Для начала мы покатаемся на коньках в «Павильоне». Ты когда-нибудь каталась на коньках? Это невероятно трудно. Зато безумно весело! Каток находится напротив мэрии. Это самое красивое здание в Сан-Франциско – его построила папина компания. А потом мы направимся в парк «Золотые ворота». У нас там намечено два ужина на этой неделе. А оперу ты любишь?

– Я... я не знаю.

– А я знаю – ты ее полюбишь! Пошли! Нам нужно поторопиться. Нам столько всего предстоит сделать! – Голди, улыбаясь, подошла ко мне, притянула со стула к себе и вовлекла в импровизированный танец. Она кружила меня по комнате до тех пор, пока моя голова не пошла кругом от радости.

Глава шестая

Голди сдержала слово. Она распахнула передо мной дверь в жизнь, которая была мне обещана и о которой я мечтала. Мы ходили на званые обеды и танцы, в театр и оперу – чаще, чем я сначала полагала возможным. По воскресеньям мы посещали церковь, а потом прогуливались по городу пешком. А после обеда ездили на карете за покупками в магазины. Мы катались на роликах, а еще Голди сводила меня на экскурсию по впечатляющему зданию мэрии – с величественными колоннами и куполом высотой более трехсот футов от основания до факела Свободы на вершине. Кузина так им гордилась, как будто сама его построила. Она и меня заставила гордиться этим достижением «Салливан Билдинг».

Именно к такому времяпрепровождению и готовила меня матушка. Именно такие – блестящие, сдобренные вином и шутками – разговоры и развлечения я себе раньше воображала. Они обычно затягивались до поздней ночи, когда я, вконец изнуренная, плюхалась в постель и засыпала мертвецким сном, чтобы на следующий день проснуться и опять пуститься в развлечения. Мой альбом и карандаши зывали ко мне с прикроватной тумбочки – нераскрываемые, игнорируемые. Но у меня не оставалось времени на рисование.

Две недели промчались как вихрь. А затем понеслись месяцы – один, второй, третий... Случались дни, когда я проводила дома лишь время, необходимое для сна. Дни, когда я вообще не виделась с дядей Джонни (не считая посещений церкви по воскресеньям) и когда единственной новостью о тете Флоренс были скупые слова Шин: «Все по-прежнему, мисс Мэй». О письме моей матушки речь не заходила. Голди лишь пожала плечами: «А это так важно? Ты сейчас с нами, там, где твое место».

И все-таки... Я раньше жаждала такой праздной жизни, но почему-то она оказалась до странности бессодержательной – красивой, но пустой. Я не хотела признаваться себе ни в том, что находила эту жизнь скучной, ни в том, что барахталась в ее мелководьях. Люди, в кругу которых я теперь вращалась, не думали ни о чем, кроме собственных развлечений. Они жили легко и беззаботно, в красоте и богатстве. Сколько всего они могли сделать, обладая такими деньгами! И лицезреть их бездеятельность было для меня большим разочарованием.

Постепенно я начала скучать по рисованию с пугающей силой. Я скучала по вещам, о которых и не думала, что буду вспоминать. В пансионе в Бруклине мы с матушкой каждый вечер встречались за ужином с другими постоялицами. И для

меня это была едва ли не самая любимая пора дня. Потому что дешевизну и безвкусице еды с лихвой восполняла теплота подлинного товарищества – пускай всего лишь на час. Но всякий раз, когда я предлагала Голди вернуться домой и поужинать в семейном кругу, она, казалось, смущалась от одного словосочетания «семейный ужин»: «Фу, Мэй! Это так старомодно! Сейчас не принято ужинать дома. Это так... вульгарно».

Признаться честно, больше всего мне нравились колонки светской жизни в «Вестнике». И выслушивая в очередной раз наводящие тоску рассуждения о новом гнедом мерине, участнике третьего забега на ипподроме в Инглсайде, я – удивляясь самой себе – вспоминала, как освещал скачки Альфонс Бандерснитч (это, скорее всего, был псевдоним колумниста, обеспечивавший ему анонимность):

В среду за ужином в Литературном клубе обсуждалось «Что нужно женщинам?». Ответ, очевидно, знает мисс Люсиль Трейнор, с которой ранним вечером мисс Сара Пастор разорвала знакомство. Хотя еще на прошлой неделе эти две дамы вместе толкались у манежа в Инглсайде, визгливо выкрикивая клички своих фаворитов и размахивая купонами со ставками под стать самым настоящим простолюдникам. Возможно, ставшая притчей во языцех дружба мисс Трейнор с жокеем Робертом Рудфордом исказила результаты тотализатора в ущерб мисс Пастор? В пятницу Трейноры отправляются в «давно запланированную» поездку на континент. И теперь, когда мисс Пастор лишила себя партнерши для скачек, остается только уповать на то, что она не пристрастится к азартным играм и не начнет наносить инкогнито визиты в притоны по примеру остальных сливок общества.

На следующий день после того, как мы с Голди побывали на приеме Селесты Джонсон, ирония колумниста вызвала у меня такой хохот, что я чуть не фыркнула кофе из носа.

На приеме, данном в ее новом доме на Пайн-стрит, мисс Селеста Джонсон показывала фотографии и буклеты с Выставки, которую она почтила своим присутствием. Захлебываясь возбуждением, мисс Джонсон рассказывала всем и каждому о своем общении с татуированными и не ведающими приличий

туземцами в экспозиции игоротов, а также со свирепым конголезским пигмеем с остроконечными зубами, которого она провозгласила «самым устрашающим каннибалом из всех, что ей доводилось видеть». Это, естественно, навело на вопрос: кто же в нашем откровенном городе хранит ужасную тайну своего каннибализма?

У кухни мой хохот вызвал недоумение: «Что здесь смешного?»

И это был не первый раз, когда она не понимала издевок колумниста. Ее друзья также не отличались сообразительностью. Альфонс Бандерснитч откровенно потешался над ними. Как они могли этого не замечать? Но либо они действительно этого не замечали, либо упоминание в колонке светской жизни настолько тешило их тщеславие, что всему остальному они уже не придавали значения. А я начала воспринимать мистера Бандерснитча как человека мне близкого – своего рода доверенное лицо. Как человека, которого понимала. На всех светских мероприятиях я стала искать его в числе гостей. Хотя и не имела ни малейшего представления о том, как он выглядел. Этого, похоже, не знал никто. Альфонс Бандерснитч был или мастером перевоплощения, или представителем высшего общества, заделавшимся из любопытства репортером. И оба эти предположения активно обсуждались.

Я лично склонялась ко второй версии. И почему-то представляла его себе невысоким представительным мужчиной, любителем хереса и пирожных со взбитыми сливками. Блондином, пожалуй хорошо одетым, образованным, с чувством юмора и способностью подмечать абсурдное и нелепое. Увы, под такое описание никто из моих новых знакомых не подходил. И тем не менее я мысленно воображала, как поведу себя, если его опознаю. Я представляла, как мы встанем вдвоем в укромном уголке и будем наблюдать и комментировать, удивляя друг друга всю ночь напролет своими точными замечаниями и остроумными шутками... Увы, то была лишь фантазия. И я мирилась с необходимостью проводить время в притворстве (будто именно так я всегда мечтала жить!) и старалась не разочаровывать Голди. Мне не хотелось, чтобы она уподобляла меня Мэйбл. Всегда и везде сопровождавшее меня ощущение одиночества только обострилось. Но разве я имела право жаловаться? Я поднялась из низов. Я была самой счастливой девушкой на свете. У меня теперь имелась семья. И с моей стороны было бы величайшей неблагодарностью желать чего-то большего.

А в очередной прекрасный октябрьский день Голди подбила меня на безопасную велосипедную прогулку по шоссе вдоль океанского побережья.

Вид был бесподобный. Я дважды прекращала крутить педали, чтобы полюбоваться волнами, накатывавшими на песчаный пляж, и огромными скалами, усеянными черными морскими котиками. Утренний туман развеялся, и на голубом небе кружились только сахарные облачка, менявшие направление под порывами солено-сладкого бриза.

Голди вполне ожидаемо вырвалась вперед, но в какой-то момент сбавила скорость, и переднее колесо ее велосипеда недовольно завихляло.

– Догоняй! У тебя будет уйма времени поглазеть на океан из ресторана! – крикнула мне кузина и, развернувшись, снова начала крутить педалями быстро-быстро.

Я догнала Голди и ехавших рядом с нею друзей – Томаса О’Кифа, Джерома Белдена и Линетт Уолл (с которой я познакомилась в день своего приезда в Сан-Франциско), – лишь у «Клифф-Хауса», курортного комплекса в баварском стиле, с красной крышей, башенками и множеством шпилей, который угнездился на самом краю утеса, как роскошный пароход, врезавшийся в берег. Морские котики на скалах внизу лаяли как стая собак. Их было несколько десятков. И столько же людей кишело на обнесенной перилами дорожке, тянувшейся к пляжу; большинство из них прогуливались или принимали участие в пикнике прямо на песке. А некоторые, очевидно возомнив себя моржами, отваживались даже купаться.

Я приблизилась к кузине в тот момент, когда она слезла с велосипеда. Юбка Голди зацепилась за педаль, и она едва не потеряла равновесие. К счастью, стоявший рядом Томас успел ее поддержать. Своим внешним обликом Томас напоминал патриция – волосы песчаного оттенка, вытянутое лицо, очки, придававшие ему ученый вид, хотя выучился он только управлять яхтой и играть в поло. Голди оттолкнула его с игривой улыбкой:

– В следующий раз я надену панталоны, как у тебя и Джерри.

– Панталоны! Ха! Мы в следующий раз наденем шаровары. – Линетт, ставшая закадычной подругой Голди в пансионе благородных девиц, опустила свой

велосипед на траву и аккуратно вытерла порозовевшие щеки носовым платком. Ее каштановые волосы под шотландским беретом сверкали на солнце как медь.

Джером, который в свои двадцать пять был самым старшим из нас, соорудил гримасу и пригладил темную бородку:

– Шаровары? Господи! Только не это! Нельзя, чтобы меня увидели с женщиной в шароварах.

– А нам ничего нельзя надевать без вашего одобрения. И не важно, насколько это неудобно, – сухо процедила сквозь зубы Голди.

– Даже красота не в состоянии затмить то, что выглядит нелепо, – снял с педали юбку-брюки кузины Томас.

Одарив его благодарной улыбкой, Голди повернулась ко мне:

– Тебе потребовалась вечность, чтобы нас нагнать.

– По-моему, я справилась. Особенно учитывая, что я не садилась на велосипед с начальной школы.

– А я тебе говорила: то, чему ты научился, уже не забывается.

Джером потянул за высокий ворот своего вязаного жакета:

– Пойдемте уже внутрь. Я проголодался.

– Ты всегда голодный, – поддела его Голди.

– Это ты вызываешь у меня прожорливость, дорогая, – парировал Джером, взяв под руку Линетт.

Казалось, будто весь Сан-Франциско решил поехать в «Клифф-Хаус» или расположенный поблизости огромный комплекс «Купален Сатро» в грегорианском стиле. Еще в пути я заметила, что шоссе заполняли лошади и

кареты, велосипедисты, автомобили. И теперь они все столпились у входа. Мужчины в кепках и фуражках заигрывали на огромной террасе с женщинами в ярких беретах на головах, шарфиках на шеях и с разноцветными зонтиками в руках. И да! Пара женщин были в шароварах!

– Нам нужен столик у западных окон, – сказала Голди, когда мы вошли. – Я хочу, чтобы Мэй насладилась видом.

Холл был длинным, а его декор – изысканным, красивым и теплым, умиротворяющим. Насколько же неудобным был дом Салливанов, если атмосфера прибрежного ресторана показалась мне более домашней! Строй изящных колонн, подпиравших свод, делил на равные части пространство обеденного зала, со вкусом украшенного пальмами, папоротниками и подвесными светильниками. В нем было много посетителей, но нас сразу же посадили за накрытый белой скатертью стол у окна с видом на веранду и Тихий океан. Тихий гул голосов, позвякивание серебряных приборов о тарелки, аппетитные ароматы кушаний, табачный дым и этот вездесущий, ни с чем не сравнимый запах моря чудесно дополняли потрясающий вид.

– Тебе нравится, Мэй? – поинтересовалась Голди. – Ты рада, что находишься здесь, а не в унылом старом Бруклине?

– Ты же знаешь, что да. Сколько раз мне это повторять?

– Если мы в скором времени не поедем, я рухну от упадка сил, – заявил Джером.

– Поездка на велосипеде оказалась для тебя слишком трудной? – поддразнил его Томас. – То-то ты еле тащился.

– Я не тащился! – негодуя возразил Джером. – Я отвлекался.

– На что? – уточнила Линетт.

– На твою очаровательную лодыжку. – Джером бросил раздраженный взгляд через плечо. – Эта женщина все время задевает мой затылок своей шляпой. Какого черта вы носите такие большие шляпы?! Они действуют на нервы. Ладно тут, так вы еще в театр их надеваете.

– Не далее как вчера вечером я смотрел пьесу сквозь стаю птичек перед моими глазами, – поддержал друга Томас. – Хотя признаюсь, я развеселился, представив в красках, как они заклюют до смерти обладательницу головы, на которой сидели.

Я улыбнулась, хотя пустая болтовня мне уже изрядно надоела. К счастью, вид из окна стоил скуки, грозившей меня одолеть.

Джером подвинул свое кресло поближе к столу и подальше от агрессивной шляпы.

– Ну, что мы будем вкушать, милые дамы?

– Лично я равнодушна к запеченным устрицам, – сказала Линетт.

К столу подошел официант – принять у нас заказ. Джером с Томасом принялись выяснять, кто его сделает.

– Нет, предоставь это мне, – заявил в итоге Джером. – Я знаю, что здесь должна непременно попробовать Мэй.

Оторвав глаза от меню, я посмотрела на Джерома:

– С чего ты взял, что мне понравится?

– Я понял это, взглянув на тебя. Доверься мне, в выборе блюд я – мастак!

– Ты в этом – полный профан! – не согласилась Линетт. – Как-то раз ты заказал мне улиток и клялся, что они мне понравятся!

– Ты сама мне сказала, что любишь эскарго.

– Я пыталась тебя впечатлить. Да, сознаю, это было глупо с моей стороны. Зато название у этого блюда такое французское!

– Оно и есть французское.

– Из улиток...

Официант вежливо застыл рядом с нами, но я ощутила его нетерпение.

Джером снова сосредоточил на мне взгляд, заставивший мои щеки зардеться. Я еще не вполне привыкла к их манере флиртовать. Как, впрочем, и к тому, что подобное заигрывание ничего не значило.

– Дай подумать... О, я понял! Ты очень серьезная девушка. Следовательно – ничего декадентского. А что-нибудь вроде цыпленка под майонезом.

Голди тяжело вздохнула:

– Мэй уже начинает скучать. А ты еще больше нагоняешь на нее скуку. Начнем с икры!

– И шампанского. – Томас обратился к официанту: – Сэр, нам действительно понадобится много шампанского.

Официант с видимым облегчением удалился.

Глаза Джерома устремились в дальний конец зала:

– Боже, да здесь Эллис Фарж!

Проследив за взглядом Джерома, я увидела темноволосого мужчину, сидевшего в одиночестве за столом и поигрывавшего бокалом с вином. Он был очень бледен – лицо словно высечено из камня, почти изможденное. И он кутался в теплое пальто, как будто ему было холодно. Хотя день выдался чудесным и солнце изливало на клиентов ресторана тепло через окна.

– А кто такой Эллис Фарж?

– Всего-навсего самый популярный и востребованный архитектор в Сан-Франциско, – пояснил Джером.

Наклонившись вперед, Линетт понизила голос:

- Я слышала, он даже временно не принимает заказы.

- Ну, он же не может объять необъятное, - резонно заметил Джером. - Его все хотят заполучить. Он завален работой.

- Но не настолько же, чтобы отказывать заказчикам?

- Я в этом сомневаюсь, - уверенно заявила Голди. - Мой папа обратился к нему, и я не представляю, чтобы даже такой известный человек, как мистер Фарж, отказал «Салливан Билдинг».

- Ну-да, конечно, никто не смеет отказать «Салливан Билдинг», - пробурчал Томас так тихо, что кузина, скорее всего, не расслышала его слов.

- А я удивлена увидеть его здесь. По слухам, он ездил в Дель-Монте, - сказала Линетт.

Отведя глаза от меню, Голди покосилась на мистера Фаржа:

- Он вернулся несколько дней назад. - Все посмотрели на кузину в изумлении. - ?Вы что - не читаете светскую хронику? Он упоминался в колонке «Прибывшие» еще на прошлой неделе. - Голди ухмыльнулась и подтолкнула меня локтем: - Может, подойдешь к нему и представишься?

На мгновение я подумала, что она говорила серьезно. Но потом решила, что Голди пошутила, и рассмеялась.

- И правда, почему бы нет? В этом же нет ничего предосудительного? И он не сочтет меня дерзкой или легкомысленной...

- Я другое имела в виду, - прошептала мне на ухо кузина. - Ты могла бы показать ему свои эскизы.

Внезапно Голди напряглась.

- О господи... - пробормотала она.

Я еще не видела такого выражения на лице Голди. Его скривил испуг или даже страх. А я и не подозревала кузину в робости.

- Что такое? - спросила я в тревоге. - В чем дело?

Джером оглянулся через плечо.

- Не смотри! - шлепнула его по руке Голди.

- Кто там? - прошептала Линетт.

- Я узнаю эти перья всюду, - тихо присвистнул Томас. - Ну и ну! Как интересно!

- Что интересно? - потребовала ответа Линетт. - Если вы мне не скажете, я сама посмотрю.

Но Голди выглядела так, словно пыталась перебороть приступ тошноты. Схватив со стола салфетку, она стащила ее себе на колени, судорожно комкая пальцами.

- Голди, кто это? - снова поинтересовалась я.

Не успел этот вопрос слететь с моих губ, как высокий аристократичного вида мужчина с темными, приглаженными маслом волосами и длинной шеей, обмотанной клетчатым шарфом, приблизился к нашему столику со старшей по возрасту дамой; в ее шляпе колыхались черно-белые перья.

- Мисс Салливан, надеюсь, у вас все хорошо, - произнес мужчина с едва уловимой улыбкой, а затем его взгляд устремился на меня, и он продолжил: - Я слышал, у вас гостит кузина. Все только об этом и говорят.

Голди не сказала ни слова. И вид у нее был такой, словно она вообще лишилась дара речи.

Такого я тоже еще не замечала. Чтобы Голди осталась без слов! Более того, всех остальных ее молчание поразило не меньше меня. А незнакомец ждал. И я из вежливости сказала:

– Здравствуйте, я – Мэй Кимбл.

Мужчина прикоснулся к шляпе:

– Очень рад нашему знакомству, мисс Кимбл. Позвольте мне представить вам миссис Джеймс Хоффман. А я – Стивен Олрикс.

Миссис Хоффман... Миссис Хоффман? Та самая, что не прибыла на бал в честь моего приезда и выразила сожаление письмом? Та самая миссис Хоффман, которая так много значила для Голди? Я бросила на кузину быстрый взгляд; ее лицо сохраняло напряженное выражение.

– Вы из Нью-Йорка, насколько мне известно, так, мисс Кимбл? Как долго вы пробудете в нашем городе?

«И почему в присутствии этой женщины кузина проглотила язык?»

– Отныне это мой дом.

– В самом деле? – переспросил меня Стивен Олрикс, но сам в этот момент смотрел на Голди, все с той же почти незаметной улыбкой. – Что ж, желаю вам удачи, мисс Кимбл. Доброго вечера!

Разговор продлился меньше двух минут. И тем не менее он омрачил наше застолье.

Официант с шампанским появился сразу после ухода пары. Но никто из нас даже возгласа не издал, пока он с важным видом открывал бутылку. Голди сжала скомканную салфетку в кулаке и, похоже, готова была разреваться. Или... что-нибудь разбить.

Официант разлил шампанское и удалился.

– Ладно, – поднял свой бокал Джером, после чего Голди вскочила на ноги и, бросив быстрое «Извините меня», куда-то направилась.

Томас озабоченно проводил ее взглядом:

– Пожалуй, мне стоит пойти за ней...

– Нет, я пойду!

Моя скука вмиг рассеялась. Такое поведение было столь не свойственно кузине, что я должна была узнать его причину! И я сделала то, чего Голди явно от меня ждала – поспешила на ее поиски. Она покинула нас так стремительно, что к тому моменту, как я вышла из зала, ее и след простыл. Только выйдя на террасу, я заметила беглянку – она шагала по дорожке к пляжу.

Я побежала за ней:

– Голди, что случилось?

Страхнув мою руку со своего плеча, кузина продолжила идти. Она плакала.

– Все в порядке. Правда...

Я еще плохо знала Голди, в этом была правда. Но такой смущенной и взволнованной я ее еще ни разу не видела. И это подействовало на меня сильнее, чем я ожидала. Я не знала, ни что сказать, ни что предпринять. Все, что я смогла сделать, – это протянуть ей свой носовой платок. Голди взяла его, но только стиснула в кулаке. После этого я очень осторожно спросила:

– Почему она так важна для тебя? Что она сделала?

– Кто? – нахмурилась Голди.

– Миссис Хоффман. Я не понимаю. Мне она показалась исключительно вежливой. Не знаю, по какой такой причине она не явилась на наш прием, но...

– Миссис Хоффман? – повторила мрачно Голди. – Да ты – исключительная идиотка, Мэй! Дело не в миссис Хоффман. По крайней мере, сегодня.

– Тогда в нем? В том мужчине?

Голди глянула на проходивший мимо пароход, а затем без слов ступила на сухой и зыбкий песок и... села.

Я заколебалась. На мне была новая юбка – одна из тех, что мы купили в «Эмпориуме». И я еще не переняла у кузины привычку небрежного отношения к вещам. Но я уже не была той бедной Мэй, которой приходилось самой стирать свою одежду. И, присев рядом с Голди, я испытала даже некоторое удовлетворение о своей собственной небрежности.

Голди обхватила руками колени:

– Я была с ним помолвлена...

– Ты? Помолвлена? Когда?

– Год назад. Мне исполнилось девятнадцать. А он – отличная партия. Его семейство одно из самых видных и влиятельных в Сан-Франциско. Отец приехал из Нью-Йорка и нажил себе состояние на золотых приисках. Стивен – адвокат; он красив и богат. Завидный жених для любой девушки.

– Ты так говоришь, словно он это знает.

С губ Голди сорвался короткий, сдавленный смешок:

– Конечно, знает.

– Но что он делал с миссис Хоффман?

– Его мать и миссис Хоффман – сопредседательницы Фонда помощи женщин своим приходам. Скорее всего, они встречались по поводу ежегодного благотворительного бала или пятничных вечеров в Клубе почитателей котильона. Стивен дружен с Недом Гринуэем.

- А кто такой Нед Гринуэй?

- Ты разве не помнишь? Ты же регулярно читаешь о нем в колонке светской хроники. Он возглавляет Клуб. Все хотят в него вступить, но членство в нем возможно лишь с одобрения Неда Гринуэя. После нашей со Стивеном помолвки я уже приготовилась стать его членом. Сшила платье и все такое. Но потом...

- Помолвка была расторгнута? - закончила я за кузину.

Она еще сильнее помрачнела:

- Я даже встречалась с мистером Гринуэем лично - думала убедить его в том, что мне не обязательно становиться миссис Олрикс для вступления в его клуб. Но он и вправду такой напыщенный маленький сноб.

- Значит, этот Клуб почитателей котильона такой важный?

- Ох, да это я тогда так думала. Даром что степенный! Там со скуки помереть можно! Я не знаю никого, кто хотел бы проводить пятницы, попивая лимонад и следуя глупым правилам Неда Гринуэя. Не спрашивай меня, как ему удалось стать таким влиятельным. Он просто обыкновенный торговец шампанским.

- Шампанское любят все, - предположила я.

- Дело не в этом. Нед Гринуэй очень умен и ловок. Он сделал пару одолжений мистеру Хоффману, и после этого ему не составило труда заручиться расположением его жены. И матери Стивена тоже. Три года назад миссис Олрикс провела благотворительный бал, собравший наибольшее количество участников. Мама тогда входила в комитет.

Я попыталась представить свою тетю в подобном комитете и не смогла.

- А тетя Флоренс активно занималась благотворительностью?

Голди закатила глаза:

- Она любила повторять: «Мне нравится ощущать себя нужной!»

Я решила поразмыслить над этой сентенцией потом. Ощущать себя нужной... это звучало, по меньшей мере, интересно. Возможный способ заполнить свободное время. Да и цель благородная.

- Вот как я познакомилась со Стивеном, и вот почему мама так желала, чтобы именно он составил мне партию, - продолжила Голди. - Имя Олриков. Старейшее семейство в Сан-Франциско. И состояние тоже. Их дом - один из тех дряхлых и скрипучих строений, что еще сохраняются на авеню Ван-Несс.

Я не поняла, насколько это было важно.

- Не в Ноб-Хилле?

- Ну конечно же нет! Они бы никогда не стали строить здесь дом, - скривила губы кузина. - Эти Олриксы - такие ханжи!

- Что ты имеешь в виду?

- Они высмеивают все, что появилось в Сан-Франциско за последнюю сотню лет. А правда в том, что у них просто нет денег, чтобы построить дом под стать нашему. Вот они и делают вид, будто этого не хотят. Бьюсь об заклад, что сегодняшний разговор уже известен мистеру Бандерснитчу. Еще один шанс для Стивена меня унизить. А он это любит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/chens_megan/velikolepnye-ruiny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)